

Н. И. ХРАПУНОВ

ХЕРСОНЕС В ОПИСАНИЯХ ЕВРОПЕЙСКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ КОНЦА XVIII – НАЧАЛА XIX в.¹

Присоединение Крыма к России в 1783 г. привлекло на полуостров многих европейцев, некоторые из них впоследствии издали воспоминания о поездке. Конечно, запискам путешественников (травелогам) свойственен субъективный взгляд на вещи; нередко они больше говорят об авторе, чем о наблюдаемых им явлениях и людях. Отличает их и великое многообразие стилей и жанров. Эти сочинения представляют любопытный источник по истории изучения Херсонеса и формирования образа Крыма (важной частью которого были античные памятники) в сознании читающей публики Запада.

О существовании развалин Херсонеса, конечно, в Европе знали и раньше – так, в XVII в. о них писали Г. де Боплан, Э. Портелли д'Асколи и М. Броневский [1, с. 206-207; 2, с. 122-123; 3, с. 341-343]. Ш. де Пейссоннель, который несколько лет был французским консулом при дворе крымского хана, в 1765 г. публикует сочинение об истории и географии Причерноморья, где отождествляет древний Херсонес со средневековым Гёзлеве – нынешней Евпаторией [4, р. 86-90]. Потом древний город попал в сочинения кабинетных ученых – И.-Э. Тунманна и В.-А. Формалеони, причем первый принимает за остатки Херсонеса древние развалины, рассеянные на всем протяжении берега от м. Маячный до Инкермана [5, с. 29-31; 6, карта-вклейка; 7, р. 9-11]. Но по-настоящему популярными описания памятников Крыма стали после присоединения полуострова к России, открывшего его для европейцев, когда сюда потянулись десятки путешественников, причем для некоторых из них античные древности были едва ли не самым интересным в Тавриде.

Помимо людей, оказавшихся в Крыму по долгу службы, были и прибывшие с образовательными или научными целями. Тогда путешествие

---

¹ Эта статья получилась бы гораздо хуже, если бы не помощь и советы А. Енсен (Нидерланды), И.А. Завадской (г. Симферополь), Д.А. Костромичёва (г. Севастополь), М.Е. Левады (г. Киев) и Л.Н. Храпуновой (г. Симферополь). Всем им я очень признателен.

понималось не просто как развлекательная поездка – к нему готовились, заранее изучали историю и географию, флору и фауну мест, где планировали побывать, в пути собирали коллекции и делали рисунки, а по возвращении на родину тщательно готовили и издавали отчет о путешествии. В результате за следующие полвека было опубликовано несколько десятков путевых записок, разных по объему и информативности, сочиненных очень разными авторами в очень разных жанрах. Среди них есть и не редактированные дневники, и энциклопедические сочинения, ставившие своей целью дать всестороннее описание полуострова, его истории, археологии, этнографии и экономики. Не у всех путешественников получилось побывать в Херсонесе – к таким относятся, например, Дж. Паркинсон, М. Хоулдернесс, С. Греллет [8–11]. Но и без того в нашем распоряжении есть с десятков весьма интересных свидетельств о том, какими оказались для древнего Херсонеса первые десятилетия в составе новой, Российской империи.

Некоторые записки путешественников о Херсонесе анализировали и раньше [12, с. 107-111; 13, с. 1-9; 14, с. 172-176; 15, с. 46-57, 500-508]. Еще лучше дело обстоит с изучением травелогов в контексте исследования других археологических памятников – «пещерных городов» Крыма [16, с. 7-19; 17, с. 212-224]. Недавно появились работы, претендующие на комплексный анализ путевых записок как особой группы источников по истории Крыма [18; 19], и популярная книга о крымских травелогах, оставленных женщинами [20]. Тем не менее, невыясненными остаются многие вопросы как общетеоретического, так и частного характера.

В рамках данной статьи будут рассмотрены те путевые записки, авторы которых не просто побывали в Херсонесе, но постарались еще и описать состояние городища в момент своего визита. Территориальные ограничения – Херсонес и его некрополь, не затрагивая памятники Гераклеяского полуострова, которые также были очень интересны европейцам, а таким людям, как П.-С. Паллас или Э.-Д. Кларк – даже больше, чем сам древний город. Из сказанного выше следует, что иногда провести грань между травелогом, подвергнутым последующей переработке, и кабинетным сочинением довольно сложно. Было решено не использовать ученые сочинения, написанные по мотивам поездки в Крым и на собранных в ней материалах, но в которых не говорится непосредственно о путешествии – такие, например, как работа Г.-К.-Э. Кёлера о херсонесских монетах [21]².

На примере указанных сюжетов можно не только взглянуть на начальный этап изучения древнего города и прояснить судьбу его памятников после начала строительства Севастополя, но и показать разнообразие жанров путевых записок, увидеть глубокие различия в интересах путешественников и их оцен-

---

² Его путевые записки остались не изданными [15, с. 505-506].

ках, выявить взаимосвязи между некоторыми их сочинениями, проследить формирование определенных черт в образе Крыма в глазах читающей европейской публики и т. п. Избранные хронологические рамки – от присоединения Крыма к России до начала археологических раскопок в Херсонесе. Единственным исключением будет сочинение Дж.-Э. Александра: хотя он и оказался в Херсонесе через два года после начала раскопок под руководством Крузе, его работа представляет для нас интерес, ведь автор во многом противопоставляет свое сочинение книге Э.-Д. Кларка (пусть и не на херсонесском материале), так что интересно будет сопоставить результаты трудов этих двух британцев³.

Французский путешественник барон **Шарль-Александр-Бальтазар-Франсуа де Поль де Бар дю Оллан** (Charles Alexandre Balthazar François de Paule de Baert du Hollant, 1750 или 1751–1825 гг.) объездил Италию, Испанию, Британию, Ирландию, Польшу, Скандинавию и Россию. Будучи богатым человеком, он путешествовал для собственного удовольствия. В частности, в Россию его привел интерес к недавно приобретенным южным владениям Екатерины II. Считается, что де Бар пользовался поддержкой российских властей от Потёмкина до Павла Петровича, полагавших полезным изучение южных провинций и их рекламу в Европе. Когда во Франции начались революционные события, де Бар посчитал необходимым вернуться на родину, но вскоре из страха за свою жизнь вынужден был бежать в Северную Америку. После свержения якобинцев в 1794 г. он вернулся во Францию и стал заниматься подготовкой своих путевых заметок к печати. Среди них – описание путешествия в Россию [24, р. 48-49, s. v. Vaert; 25]. Интересно, что одно из изданий его записок было анонимным [26].

В Херсонесе де Бар оказался весной 1784 г. По его мнению, *«это был, вероятно, большой город, судя по пространству, занимаемому его развалинами, и по существующей еще части его крепостных стен. Там есть целые городские ворота и довольно хорошо сохранившаяся большая башня – они построены из больших квадратных камней, в стиле древних памятников Италии»* [26, р. 26, n. 1]. Де Бар – видимо, первый из европейцев, видевших Херсонес после русского завоевания и оставивших соответствующие мемуары. Из его слов можно заключить, что за три столетия, прошедших с тех пор, как последние жители покинули Херсонес, город обратился в груды развалин. Близкий по времени рисунок 1778 г. позволяет представить вид руин древнего города, открывшийся глазам де Бара [15, рис. 122 (вклейка)]. Здесь над памятником высится одна-единственная башня, расположенная, судя по всему, в его юго-восточной части. Имеются и «городовые ворота» – очевидно, средневековая калитка, помещенная к западу от башни. Возможно, это та калитка, что находится в стене над воротами античного времени⁴.

³ К сожалению, недоступными оказались записки М. Космели и Л.-Т. д'Асфельда [22; 23], но в них могло и не говориться о Херсонесе.

⁴ Упомянутые в статье памятники Херсонеса показаны на рис. 1.

Дальше де Бар обращается к сюжету трагедии Еврипида «Ифигения в Тавриде». *«Быть может, это была резиденция Фоанта, который приносил в жертву Диане чужестранцев, приставивших к этим берегам?»* – задается он вопросом применительно к Херсонесу [26, р. 26, п. 1]. Хотя поиски храма Артемиды-Дианы в Таврике длятся не одно столетие, обычно их ведут на южном берегу. Мало кто, подобно де Бару, пытался «поселить» царя тавров Фоанта в эллинском городе.

Вскоре в Крым приезжает другой француз, у которого, в отличие от де Бара, денег на самостоятельные путешествия не было. **Шарль-Жильбер Ромм** (Charles Gilbert Romme, 1750–1795 гг.) побывал на полуострове весной 1786 г. в качестве наставника юного графа П. А. Строганова. Вероятно, в Россию Ромма привел не только контракт, заключенный со старшим Строгановым относительно воспитания его сына, но также секретные поручения, связанные с членством в масонской ложе и сбором разведывательной информации для французского правительства.

Строганов и Ромм совершили ряд путешествий по России с образовательными и воспитательными целями. В пути француз вел дневник. В 1788 г. Ромм вернулся во Францию, где принял участие в революции и, в конце концов, был приговорен к смерти и покончил с собой, не желая идти на гильотину [27]. Его записи о поездке остались в России, а потому не несут редакторской правки, отражая непосредственные впечатления автора [28]. В Херсонес Ромма и его спутников – Строганова и будущего архитектора А. Н. Воронихина – сопровождал командир севастопольской эскадры М. И. Войнович. Было это в начале 20-х чисел мая 1786 г.

Сразу же после присоединения Крыма к России Херсонес стал быстро разрушаться из-за интенсивных «раскопок» в поисках ценностей и материалов для строительства Севастополя. *«Развалины этого знаменитого поселения были столько раз перерыты 2-ном Маккензе в поисках античных монет и каменных плит, из которых строят новый город, что путешественник находит там лишь груды камня. Пощажены были только одни ворота, которые, по преданию, были сооружены с тем, чтобы устроить спускную решетку. По обеим сторонам этих ворот находились 2 башни, разрушенные теперь до основания. В них-то и нашли больше всего медных и серебряных монет разных народов»* [29, с. 66; 30, с. 114].

Основатель Севастополя – адмирал Ф. Ф. Мекензи – начал свои «раскопки» сразу после учреждения нового города в 1783 г. из-за нехватки строительных материалов [31, с. 77-78]. Очевидно, попутно отыскивали и монеты. Так что именно Мекензи должен быть назван первым известным херсонесским «археологом». К моменту появления в Крыму Ромма и его спутников он уже умер.

Сложнее определить, какие именно ворота Херсонеса видели Ромм и его спутники. Пазы для спускной решетки имеются в античных воротах,

расположенных между 15-й и 16-й куртинами. Тем более, на планах Херсонеса, составленных по указанию К. И. Габлица в 1786 г., отмечены ворота приблизительно в том же месте [32 (вклейка) – ср. с. 161; 15, рис. 126 (вклейка)]. За башни француз мог принять массивные пилоны, укреплявшие ворота. Правда, побывавший в Херсонесе вскоре после Ромма П. И. Сумароков сообщает, что видел двое городских ворот [33, с. 117; 34, с. 205] – надо полагать, так называемые «западные» в 8-й куртине и «южные» – в 14-й. В альбоме иллюстраций к его мемуарам есть вид Херсонеса (№ 20), на котором можно обнаружить нечто, напоминающее ворота или средневековую калитку в городской стене (рис. 2). Но про пазы для спускной решетки в конструкциях, описанных Сумароковым, ничего не известно. Если Ромм говорил об одном из этих сооружений, то упомянутые им башни – VI и VII по нынешней нумерации в первом случае или XII и XIII во втором.

Ромма настолько заинтересовала непривычная кладка городских стен, что он решил дать ее описание: *«Стены древнего Херсонеса были шириной больше сажени. Камень внутренней кладки пористый, очень мягкий известняк, поставленный на ребро, поперек кладки. С обеих сторон стены были обшиты плитами белыми, плотными и настолько мягкими, что их можно обтесывать ножом; плиты эти теперь ежедневно разбирают для постройки Севастополя»* [29, с. 68; 30, с. 118].

Француз попытался определить место крещения князя Владимира, связав его с участком херсонесского некрополя, где сейчас раскопан так называемый загородный крестообразный храм. *«За пределами городской черты лежит небольшой холм, а вокруг него по склону, обращенному к морю, было обнаружено огромное количество высеченных в скале гротов; среди них находится водоем, вход в который очень затруднителен»* [29, с. 66; 30, с. 114]. «Холм» – это или современная Девичья горка, на склоне которой расположена часть херсонесского некрополя, или же так выглядели остатки разрушенной и заплывшей землей церкви. «Гротами» Ромм называет склепы загородного некрополя, а «водоем» – это водосборная галерея, связанная с храмом [35, с. 309-310, 316-317]. В нее путешественники спускались. *«Исходя из общего вида местности, нельзя не признать здесь места, где, как указывает история, происходило крещение Владимира»*, – заключает Ромм [29, с. 66; 30, с. 114]. Отмечу, что Ромм создал совершенно самостоятельную интерпретацию, как бы сейчас сказали, письменных и археологических источников. Обычно место крещения русского князя искали непосредственно на городище. Так, например, Габлиц, основываясь на «простонародных преданиях греков», поместил его в западной части Херсонеса, причем, согласно описанию, никаких особенных остатков там не было [32, с. 161-162 и пункт Е на вклейке; 15, рис. 126. Е (вклейка)].

Очень подробно описывает Ромм склепы загородного некрополя. Подобно другим путешественникам, о чем речь ниже, он не понимал назначения этих

сооружений, которые определил как «гроты». *«Большинство этих гротов было завалено, и только на днях их откопали; я не сомневаюсь, что их найдется большое количество. Уже и сейчас их насчитывают свыше 100, но еще не во все удалось проникнуть»*. Таким образом, раскопки в поисках ценностей велись не только на городище. Вероятно, разграбленные склепы не содержали костей, а их внешний вид не походил на привычные могилы – отсюда и непонимание того, что же это такое. Один из склепов вообще приняли за баню. Сравнив херсонесские склепы с искусственными пещерами Инкермана, которые как раз таки были жилыми сооружениями, Ромм пришел к парадоксальному выводу: *«Нельзя воздержаться от предположения, что гроты эти – дело рук многочисленного народа мореплавателей, который, живя в стране, лишенной леса, принужден был либо строить из камня, либо же рыть себе жилища в скалах»* [29, с. 66-67; 30, с. 115-117]⁵.

Себастьян-Франсиско де Миранда Равело-и-Родригес де Эспиноса, или просто Франсиско де Миранда (Sebastián Francisco de Miranda Ravelo y Rodríguez de Espinoza, 1750–1816 г.), авантюрист и борец за независимость Венесуэлы от испанской короны, прибыл в Россию за дипломатической поддержкой и денежными субсидиями. В конце 1786 г. он оказался в Крыму, а 1 января 1787 г. (по старому стилю) посетил Херсонес и оставил записи об этом в своем дневнике. Развалины древнего города не были еще совершенно разобраны на материалы для строительства Севастополя: *«...Нам удалось отчетливо различить городские стены, главную крепостную башню и большое строение наподобие замка. Хорошо видны также улицы, и при желании вполне возможно снять план. Сводчатая дверь и облицованная башня разрушены недавно, видимо, кому-то понадобился камень...»* [37, с. 59]. Виденный де Мирандой «замок» – это, возможно, укрепление в юго-восточной части древнего города, так называемая «цитадель». Частью его является крупнейшая из башен Херсонеса, имеющая номер XVII (она же «башня Зенона»)⁶.

---

⁵ Возможно, благодаря Ромму мы знаем об одном из первых описаний Таврики, которое, к сожалению, не дошло до наших дней. Среди прочих материалов об истории, топографии и природе Крыма, которые Ромм изучал в Симферополе, он упоминает «сочинение г-на Бальдани о Тавриде» [29, с. 71; 30, с. 122]. В этой связи вспоминается ссылка С. Богуш-Сестренцевича на сообщение некоего подполковника Бальдани, сделанное, надо полагать, в личной беседе, что тот был послан Потёмкиным в 1783 г. на место древнего Херсонеса «для проверки сообщения Нестора» об осаде города князем Владимиром [36, р. 304, п. 1]. Не исключено, что в результате этой экспедиции Бальдани написал какой-то отчет, быть может – в виде истории Тавриды, оставшийся в рукописи, которую и смотрел Ромм.

⁶ Правда, в конце XIX в., перед началом раскопок, над башней возвышался холм земли [38, с. 46, рис. 43], и догадаться, что это за сооружение, было не так просто. С другой стороны, на картах начала XIX в. башни «цитадели» обозначены точно [15, рис. 127-128 (вклейка)]. Возможно, в то время верхняя часть «башни Зенона» возвышалась над землей,

При де Миранде в Херсонесе был уже устроен карантин. Будучи солдатом, де Миранда не мог не оценить положение города, по его мнению, хорошо приспособленного для нужд античного флота, и кладку городских стен, которая *«напоминает... генуэзскую»*. Видел он и какие-то «пещеры», то есть, по всей вероятности, склепы на загородном некрополе, греческую и латинскую надписи. Путешественник безуспешно пытался отыскать питавший город водопровод [37, с. 59]. Возможно, де Миранда услышал от кого-то из русских историю про крещение князя Владимира, который, как известно, смог овладеть Херсонесом, лишь разрушив водопровод и, тем самым, лишив горожан воды, и решил найти следы этого акведука. Менее вероятно, что де Миранда читал книгу М. Броневского, видевшего в 1578 г. остатки труб, продолжавших подавать воду в давно заброшенный город [3, с. 341].

Херсонес был незначительным эпизодом в бурной жизни де Миранды. По возвращении из России он участвовал во французской революции, жил в Англии и США, организовал несколько десантов на территорию Венесуэлы, в 1811 г. объявил ее независимой, став генералиссимусом и диктатором, но потерпел поражение от испанской армии и умер в испанской тюрьме [39; 40, с. 4-5].

Голландец **Питер ван Вунсел** (Pieter van Woensel, 1747–1808 гг.) много лет провел в путешествиях, попеременно находясь то на голландской, то на русской службе. Ему удалось повидать множество стран – от Турции до Суринама. По профессии ван Вунсел был врачом, при случае занимался шпионажем, и с огромным удовольствием – литературой. Одним из этапов его карьеры была служба лекарем на российском Черноморском флоте в 1787–1789 гг. [41]. В опубликованных впоследствии мемуарах ван Вунсел детально описал Крым и, между прочим, упомянул о Херсонесе.

Рядом находился карантин, в котором голландец провел свои первые десять дней на крымской земле. *«За этим карантином, – сообщает ван Вунсел, – вы попадаете в колоссальные руины, оставшиеся (как говорят) от древнего Херсонеса! В мое время можно было составить впечатление о целых воротах со стороны моря; но это долго не продлится, ведь многие командиры – большие враги истории, вроде адмирала Макензи, который, приложив много бессмысленных усилий, разрушил кладку в виде маяка или дозорной башни в одной из бухт близ Севастополя»* [42, р. 262-263].

В этом рассказе важно указание на приморские ворота. Непонятно, были ли это ворота в стене, ограждавшей древний город со стороны моря (кстати говоря, такое сооружение до сих пор не было открыто археологами), или же конструкция в напольной стене, находившаяся недалеко от берега. Если вспомнить сведения, собранные Габлицем, Роммом и Сумароковым, о чем речь шла

но позднее местные жители или моряки разобрали выступавшие кладки на строительный материал, так что к началу раскопок ничего уже видно не было.

выше, более вероятным будет второе предположение: ван Вунсел видел античные ворота между куртинами 15 и 16 по нынешней нумерации.

Голландец подтверждает информацию Ромма о разрушении древних строений по указанию адмирала Мекензи. Правда, в данном случае речь явно идет не о памятниках Херсонеса, а о сельской усадьбе, находившейся где-то на хоре и разобранной на строительный материал. Так что усилия адмирала не были такими уж «бесмысленными», как пишет ван Вунсел, хотя и печальными для археологии.

Естествоиспытатель **Пётр-Симон Паллас** (Peter Simon Pallas, 1741–1811 гг.) был приглашен в Россию из Германии Екатериной в 1767 г. Здесь он занимался самыми разными проектами, естественнонаучными экспедициями, исследованиями и публикациями, а в 1793–1794 гг. совершил длительную поездку по югу России. С 1796 по 1810 г. проживал в Крыму, где подготовил, в частности, описание своего путешествия, вышедшее в 1801 г. Это гораздо больше, чем просто путевые записки, – энциклопедическое описание полуострова, его географии, истории, археологии, этнографии, экономики и пр. Несомненно, при подготовке своего труда автор широко использовал материалы, собранные во время жизни в крымском имении и в дополнительных поездках по Крыму [43; 44].

Если обратиться к поездке Палласа в Херсонес, то нужно сказать, что автора куда больше интересовали памятники Гераклеийского полуострова, потому что городищу уделено сравнительно немного места. Паллас опубликовал рисунки двух надписей – 488 г. и XV в. [45, с. 7-15, № 7; с. 19-20, № 9], сообщил еще о нескольких памятниках эпиграфики и каменной пластики, описал наиболее популярные типы находок на городище: серебряные и бронзовые монеты римских императоров, бронзовые «с оттиском якоря» – то есть, как мы теперь знаем, местной чеканки XI–XIII вв. [46], обломки поливной и стеклянной посуды. Он призывает начать раскопки Херсонеса: *«Нет сомнения, что было бы найдено еще много замечательных вещей, если бы произвели старательные раскопки внутри города, в особенности в большой мусорной куче, представляющей род холма, если принять особенно усердные меры, чтобы ничто не было похищено из раскопок и если бы найденное не попало в невежественные руки»* [43, с. 47-48].

Вопрос о том, что это за «мусорная куча», решить не так уж просто. На территории Херсонеса было несколько таких завалов, скрывавших руины древних построек. Они представлены, например, на рисунке 1778 г. [15, рис. 122 (вклейка)]. На нескольких планах конца XVIII в. показан вытянутый холм в западной части городища, достигавший примерно 150 метров в длину [15, с. 481, рис. 120; с. 483, рис. 121; рис. 126 (вклейка); 32 (вклейка)]. На чертежах начала XIX в. это узкое, длинное возвышение наподобие вала [15, рис. 127-128 (вклейка)]. Возможно, его видно на рисунках начала 1830-х гг. у Ф. Дюбуа де Монпере

[47, рис. LIX,1, с. 203]. Причем на планах XIX – начала XX вв. положение этого объекта обозначено совершенно по-разному [48, с. 47-48, рис. 5-8]. Что это такое, понять уже нельзя. Тем более, на этом месте или совсем рядом сейчас находятся остатки артиллерийской батареи конца XIX в. – вполне возможно, при ее строительстве и разрушили «мусорную кучу».

Были и другие холмы – меньшего размера. Один из них находился в южном районе городища, на месте античного театра, достигая более 6 м в высоту [49, с. 44, табл. II]. Другая куча или «курган» была в центральной части города, на его агоре (где ныне Владимирский собор). Этот завал раскапывали Крузе в 1827 г. [47, с. 204] и Д. В. Карейша в 1846 г. [50, с. 309-310] в поисках предполагаемого места крещения Владимира. Под холмом земли обнаружился, в частности, крестообразный храм № 27, остатки которого сегодня можно увидеть в нижней части Владимирского собора [51, с. 49-57; 52, с. 198]. Возможно, именно эту «кучу» и имел в виду Паллас.

Путешественник осмотрел также остатки загородного крестообразного храма, но не понял его назначения: *«Восьмиугольное здание, ныне совершенно разрушенное, но остатки которого еще приметны менее чем в версте расстояния <от города>, с очевидностью доказывает, что вода поступала в город водопроводами. В одном углу этого здания можно спуститься через отверстие на глубину около пяти аршин, где оказывается очень узкий проход к востоку длиною в 15 сажений, в конце которого – род колодца /глубиною в несколько футов/; из него чистая прозрачная вода, переливаясь через край в проход, там и исчезает. Позади этого колодца приметны еще два прохода, из коих один совершенно засыпан, тогда как другой продолжается дальше. Все это удостоверяет, что это – остатки разрушенного водопровода»* [43, с. 48]. Таким образом, Паллас ошибочно воспринял связанную с храмом водосборную галерею (о ней речь шла выше) как часть ведущего в Херсонес водопровода, а храм – как надземное гидротехническое сооружение при этом водопроводе.

Опубликованное через десяток лет сочинение Палласа, а равно и обаяние личности исследователя, не жалевшего сил для помощи другим путешественникам по Тавриде, оказали огромное влияние на других приезжих иностранцев. Можно сказать, Паллас заложил традицию посещения определенных памятников и определенного взгляда на некоторые явления. Так, например, Э.-Д. Кларк и Ж. Рёйи описывают древности Херсонеса и его окрестностей согласно Палласу, а Дж.-М. Джоунз широко цитирует его сочинение.

Но избежать упреков в пристрастности Палласу не удалось. Виной тому – следующая мысль: *«При занятии Крыма еще были видны большей частью его стены, построенные из прекрасного штучного камня; красивые городские ворота и значительная часть двух больших башен, из коих одна – у самой бухты, виденная мною в 1794 году – еще в нарядном виде; но построение города Ахтиара закончило разорение этого древнего города. Прекрасный штучный*

камень выбрали даже из фундаментов для постройки домов, не озаботившись или не полюбозытствовав сделать план города или нарисовать хотя бы его набросок» [43, с. 47]. По мнению А. Л. Бертье-Делагарда, Паллас заложил традицию обвинять русских в уничтожении и разграблении остатков Херсонеса, что, на самом деле, не так: город достался им в уже разрушенном состоянии, а русские, наоборот, предпринимали меры к разысканию древностей и картографированию памятников. Причиной этой негативной оценки, по словам исследователя, было разочарование европейцев, ожидавших увидеть нетронутый античный памятник, но обнаруживших лишь жалкие остатки былого величия [13, с. 1-9 слл.]. К сожалению, почтенный ученый был не вполне прав: большинство путешественников конца XVIII – начала XIX вв., включая и русских, не только говорят о разрушении Херсонеса, но и приводят конкретные факты расхищения древностей [15, с. 502-503; 53, с. 17-20]. Вспомним и рассказы Ромма и ван Вунсела о «раскопках» на городище и в его окрестностях по поручению адмирала Мекензи. Наконец, существует много свидетельств того, как уничтожали древние постройки не только в Херсонесе, но и во всем Крыму [54, с. 274-279; 55, с. 30 слл.].

К книге Палласа приложен альбом иллюстраций. На одной из гравюр изображены две надписи и различные монеты, среди которых – вышеупомянутая херсонесская надпись 488 г. и средневековая монета городской чеканки. Несколько других монет, отнесенных к чеканке Херсонеса (не города, а нынешнего Гераклеийского полуострова), атрибутированы ошибочно – это выпуски Боспорского царства [56, Т. 2, Pl. 5; ср.: 57]. Еще одна, упоминавшаяся выше средневековая надпись XV в., представлена в книге на виньетке № 3 [43, с. 220].

Нередко цитируется книга **Марии Гатри**⁷ (Maria Guthrie, ?–1800 гг.) о путешествии в Крым в 1795–1796 гг. [60; 15, с. 502; 61, р. 60, 66, 112; 62, с. 63; 20, с. 20-32, 87-88; 63; 19, с. 104-106]. Француженка по происхождению (в девичестве Мари Ромо-Сюрвесн – Marie Romaud-Survesnes, в первом браке Дюнан – Dunant), она переехала в Петербург и работала воспитательницей в Смольном институте благородных девиц. Овдовев, в 1781 г. снова вышла замуж, на этот раз за врача-шотландца Маттью Гатри [64, р. 147]. На юг России она отправилась якобы для поправки здоровья, однако вскоре скончалась. Это побудило ее мужа издать письма покойной супруги, сопроводив их необходимой редакторской правкой и приложениями [60, р. v].

Недавно было высказано предположение, что вышедшее под именем Марии Гатри сочинение является литературной мистификацией, эпистолярным романом, сочиненным ее мужем [65, с. 595]. С этим трудно не согласиться. Бросается в глаза, что в тексте почти совершенно отсутствуют бытовые

---

⁷ В историографии ее фамилию нередко передают как «Гутри», что неверно [см.: 58, с. 92-93; 59, с. 209].

детали, которые являются необходимой частью путевых записок (трудности в пути; гостиницы; проводники; сложности перевода и пр.). Нет здесь и рассказов о собственных болезнях, нет традиционных вопросов о положении дел дома. Язык приглажен и отредактирован, тем самым мало напоминая письма, сочиненные в краткие моменты отдыха в дороге. Хотя в книге иногда встречаются ссылки на якобы виденное собственными глазами, но эти фрагменты слишком литературны и вполне могли быть сочинены вне Крыма. Перед нами – эпистолярный роман, написанный в петербургском кабинете Маттью Гатри, очевидно, по материалам опубликованных источников, описаний Крыма и путевых записок, возможно, с использованием некоторых, тщательно переработанных писем супруги⁸. Жанр этот, открытый «Персидскими письмами» Монтескье, был весьма популярен в ту эпоху. Отсюда – продуманная структура книги, разделенной ровно на 100 писем плюс семь приложений, приблизительно одинаковые размеры и построение этих писем. Правда, обычно вымышленное путешествие использовалось для того, чтобы взглянуть на собственное общество и культуру [67, с. 156-164], тогда как Гатри использует этот прием для описания неизвестного европейцам мира.

Сказанное легко продемонстрировать на примере посвященных Херсонесу писем XVIII–XX, представляющих собой краткое изложение истории города по данным античных и средневековых писателей, которых автор знает для своего времени очень хорошо. Но читатель не найдет здесь ничего конкретного, связанного с личными наблюдениями – даже слова о «поглощении» Севастополем древнего Херсона приводятся со ссылкой на собеседников автора [60, р. 95-104]. Тут же говорится о найденных на городище монетах – изображения и описание двух монет херсонесской чеканки приводятся в тексте [60, р. 289, 348, 393, pl. VI,1-2].

По-видимому, не случайно у некоторых современников рассказы Гатри вызывали недоверие. Пирс-Бальтазар фон Кампенгаузен (Pierce Balthasar von Campenhausen, 1746–1808 гг.), в свое время состоявший секретарем для иностранной переписки при Г. А. Потёмкине, заметил: «*Описание Крыма, которое сделала 2-жа Гатри, написано в развлекательном стиле, но оно ни в коем случае не верно; воспользуюсь же правом сделать несколько комментариев ко многим ее наблюдениям. Не собираюсь намекать на то, что она умышленно исказила факты; но все то, что романтично, имеет особое очарование в женских глазах; тогда как я, будучи старым кавалерийским офицером, надо полагать, буду менее восприимчив к иллюзорным явлениям...*» [68, р. 42]. Фон Кампенгаузен

⁸ Так, И. В. Тункина обратила внимание на то, что все надписи, упомянутые Маттью Гатри в приложении, взяты из статьи Ф.-А.-М. фон Биберштейна, который в Крыму как раз бывал и камни эти видел собственными глазами [15, с. 50, 52; 66, с. 596]. Показательно, что никаких других надписей в книге Гатри не упоминается.

точно подметил особенность текста Гатри: изящный стиль и общая развлекаемость придают ему «иллюзорность», которая почти никак не связана с реалиями крымской жизни.

Намерения автора («редактора») можно отчасти понять из разрозненных данных, помещенных на титульном листе книги, во Введении, а также мелькающих в тексте. Поступивший на русскую службу шотландец **Маттью Гатри** (Matthew Guthrie, 1743–1807 гг.) стал врачом Первого и Второго кадетских корпусов, но связей с родиной не утратил – состоял в нескольких британских научных обществах, издал ряд работ по медицине, а также о русской этнографии и климате [69, col. 452, s. v. Guthrie, Matthew]. К моменту публикации книги он прожил в России около 30 лет [64, p. 147-152]. Гатри увлекался коллекционированием древностей, которые отчасти описаны в книге. Во Введении к ней Маттью говорит о том, что данная книга должна дополнить сочиненную им когда-то работу о нравах, обычаях, песнях, мифологии и прочих этнографических особенностях русских и показать, что русские унаследовали многие нравы и обычаи греков [60, p. v-vi]. Представление о преемственности русских от греков – одна из идеологем екатерининского времени, служившая обоснованием «греческого проекта» и антиосманской политики [70, с. 33-64]. Долго живший в России Гатри вполне мог попасть под влияние имперской идеологии. Кроме того, он хотел познакомить читателя с неизвестными странами, ранее скрытыми «от образованных путешественников варварской политикой невежественных турок» [60, p. vi]. Вероятно, смерть супруги побудила шотландского врача увековечить ее память таким экстравагантным образом, издав под ее именем собственное сочинение, себя же скромно объявив «редактором» и «автором приложений». Неизвестно, была ли в действительности в Крыму настоящая Мария Гатри и писала ли она какие-то письма мужу, но если такие письма были, в анализируемом тексте от них осталось очень мало.

Британский ученый **Эдвард-Даньел Кларк** (Edward Daniel Clarke, 1769–1822 гг.) получил образование в Кембридже. Безденежье заставило его стать частным учителем и спутником богатых англичан в путешествиях на континент. В 1799–1802 гг. он отправился во вторую свою поездку в качестве воспитателя молодого Дж.-М. Криппса. Путешественники посетили Скандинавию, Россию, Грецию, Ближний Восток. С 1810 г. началась публикация «Путешествий» Кларка (всего вышло шесть томов, последний – уже после его смерти), выдержавших множество изданий на разных языках (общие гонорары автора составили внушительную сумму более чем в шесть с половиной тысяч фунтов), признанных травелогом *par excellence* и остающихся важнейшим источником сведений о Российской империи для западных историков вплоть до нынешнего дня. Впоследствии Кларк успешно работал в Кембридже, параллельно исполняя обязанности англиканского священника [71; 72, p. 52-55; 73, p. 267-274].

Минеролог по роду занятий, Кларк интересовался самыми разными вещами, включая древнюю историю и языки, этнографию и археологию, ботанику и зоологию. Потому его «Путешествия» представляют собой интереснейшую подборку разнообразных сведений. Учтем и то обстоятельство, что Кларк готовил их к печати, изучая литературу, связанную с теми местами, где побывал, и консультируясь со специалистами по самым разнообразным вопросам. Однако Кларк нередко склонен к самым фантастическим реконструкциям. Вот лишь один пример. Известно, что многих путешественников изумляли кольца, высеченные или укрепленные в крымских скалах. Сейчас мы думаем, что к ним привязывали животных, но в XVIII в. бытовала более романтическая версия: некогда море стояло гораздо выше, и к кольцам этим пришвартовывались корабли. Раскритиковав эту идею, Кларк выдвинул следующее предположение: между кольцами, находившимися на противоположных склонах Бахчисарайской долины, натягивали канат для канатоходцев, развлекавших крымского хана в дни праздников [74, р. 187].

Другая проблема источника связана с русофобией Кларка. Для него «русский» был синонимом варвара, обладавшего всеми мыслимыми пороками – пьянством, страстью к бессмысленным разрушениям, невежеством, тупостью, жестокостью и т. п. Он часто называет их «скифами», подразумевая разрушительное варварское начало, противопоставленное животворной европейской цивилизованности. Прекрасно знавший древние языки Кларк, конечно, имеет в виду скифские рассказы Геродота – и тем самым переворачивает их с ног на голову, ведь для древнего автора скифы были воплощением благородного варварства, противопоставленного испорченной цивилизованности. В результате Кларк склонен приписывать русским то, что они не совершали. Например, у современных западных историков часто можно встретить – со ссылкой на Кларка – историю о русских солдатах, любивших забавы ради стрелять по мусульманским священникам, поднимавшимся в час молитвы на минареты, и однажды даже убивших муллу [74, р. 173]. Это сообщение оказалось ложью [75, р. 60].

Нужно сказать, что вскоре после публикации «Путешествий» Кларка появилась пространная рецензия, указавшая на массу неточностей и фактических передегериваний в его труде и объяснившая многие из негативных суждений Кларка о России результатом его невежества и нелюбопытства. Вышла она в американском альманахе. Автор не назвал себя, известно лишь, что он русский, проживал в Северной Америке, но писал по-французски [76, р. 70-120].

Некоторые причины захватившего Кларка чувства открыл другой британский путешественник – Дж.-Э. Александер. Кларк демонстративно нарушал принятые в России предписания насчет одежды, в результате возникли неприятности, которыми англичанин остался очень недоволен. Поскольку Кларк был всего лишь воспитателем при молодом джентльмене, принимавшие

путешественников русские куда больше внимания оказывали тому, а не «великому доктору Кларку». *«Знаменитому путешественнику захотелось отомстить за подобный прием, и его добродетели уступили место злым чувствам. Трудно представить, сколь вредоносными оказываются суждения подобных людей. Давая волю раздражительности, они не только ставят под удар своих соотечественников, следующих по их стопам, но и разжигают вражду между народами, забывая, что мирные отношения отвечают интересам всех стран»* [77, р. 63; 78, р. 244-245; 79, с. 55, 246-247].

Укажу и еще одну возможную причину Кларковой нелюбви к России. Англичанин попытался вывезти некоторые древности, но не получил на это разрешения от властей, что вызвало у него несколько приступов негодования [71, р. 293-294, 298-299; 74, р. 119, 149, 207-208]. Разумеется, Кларком двигало не одно лишь желание сохранить памятники от новых скифов. Мы знаем, что по возвращению в Англию он продал собранные в путешествии коллекции. В частности, древние рукописи принесли ему внушительную сумму в тысячу фунтов (для сравнения: до поездки его годовой доход составлял менее ста фунтов), а подаренная Кембриджу античная статуя Цереры – степень доктора права [72, р. 53-54]. Надо думать, эту операцию он задумал еще в поездке и был весьма разочарован тем, что русские власти разрушили его бизнес-план. Впрочем, среди переданных им после возвращения в Англию в Кембриджский университет древних мраморов были античные и средневековые надписи из Северного Причерноморья – хоть и не из Херсонеса [80]. Возможно, их переслали Кларку позже.

В результате британцу можно вполне доверять там, где он описывает древние памятники, тогда как их интерпретации могут быть весьма вольными; его же рассказы о современной ситуации имеет смысл перепроверять. По сравнению с «Путешествием» Кларка более объективными кажутся его письма на родину, изданные биографом британца – У. Оттером [71, р. 265-309], очевидно потому, что текст путевых записок подвергался дальнейшей правке, только усилившей его эмоциональную окраску. Правда, про посещение Херсонеса в письмах как раз сказано не очень много.

Первый раз в его окрестностях Кларк побывал в августе 1800 г. Рассказ о городище начинается, разумеется, с того, что русские, овладев Крымом, принялись безжалостно уничтожать остатки Херсонеса. Собранный на городище камень и мрамор вывезли в Севастополь, где продавали по объему как строительный материал. В другом месте он называет и цену – рубль за тонну. *«Если Архипелаг когда-нибудь попадет во власть русских, прекрасные остатки Древней Греции будут разрушены, – заключает Кларк. – Афины будут разрушены до основания, не останется и камня, показывающего, где стоял город. По сравнению с русскими турки обладают вкусом и глубокой ученостью»* [74, р. 207-208].

В Херсонесе Кларк потряс украшенный надписью и рельефами надгробный памятник Ульпии и Феагена (II в. н. э.) [IOSPE I², p. 413-415, № 453], которого он почему-то счел «философом». Британца провели к какой-то могиле, вход в которую некогда украшало это надгробие. *«Это был семейный склеп, высеченный в скале с наружной стороны стен древнего города Херсонеса. Внутри были ниши для тел умерших. Вскрыв ее, солдаты обнаружили несколько костей в непо потревоженном состоянии, которые они теперь разбросали среди развалин. Здесь было много других усыпальниц того же рода, в той части скалы, где была найдена “Гробница Феагена”, все вырубленные таким же образом, каждую закрывал большой камень. Так что, видимо, херсонесским обычаем было хоронить, а не сжигать умерших»* [74, p. 207-209]. Пожалуй, Кларк стал первым исследователем погребального обряда Херсонеса. Кроме того, в отличие от предшественников, принимавших склепы за пещеры, он понял, что к юго-востоку от городища был херсонесский некрополь, где *«под стенами города находятся античные усыпальницы херсонеситов, в большом количестве, расположенные в совершенно правильном порядке»* [74, p. 211]. Возможно, здесь сказалась большая образованность британского путешественника.

Кларк попытался привязать к местности рассказ Страбона о Евпатории, тем самым поучаствовав в долгой – и до сих пор не разрешившейся – дискуссии о локализации этого памятника [81, с. 93-95, s. v. Евпаторий]. По словам античного географа, данная крепость находилась на мысу против Херсонеса, причем ее гарнизон во время скифской осады насыпал дамбу через море до самого города, чтобы иметь возможность с ним связываться (Strabo Geogr. 7. 4. 7). Рассуждения Кларка по этому поводу довольно запутаны. Он наблюдал какие-то *«развалины и усыпальницы города, совершенно отличные от херсонесских»* вроде бы на восточном берегу нынешней Карантинной бухты. Причем остатки пресловутой дамбы *«еще видны»* (то есть она должна была пересекать Карантинную бухту), а вход в эту бухту оказывается искусственным сооружением [74, p. 210-211, 214]. Если опустить слова о дамбе и входе в бухту, проверить Кларковы рассуждения уже не удастся – кажется, все археологические памятники на восточном берегу Карантинной бухты уничтожены при создании современной военной инфраструктуры. Правда, какие-то постройки видны на «Плане древнего города Херсонеса» 1775 г. [15, рис. 121 (вклейка)], но что это за сооружения, не ясно.

Путешественник обратил внимание на то, что примерно в версте к югу от мыса, где находился Херсонес, на возвышенности *«есть курган настолько примечательных размеров, что он не может не привлечь внимания»* [74, p. 211-212]. Никаких курганов в описанном районе не известно. Единственное объяснение, которое только можно придумать, заключается в том, что Кларк видел не курган над остатками древнего погребения, а холм земли, возвышавшийся над юго-восточной башней XVII («башня Зенона»). Как уже

говорилось, к моменту начала раскопок в конце XIX в. он едва ли не полностью скрывал остатки древнего укрепления [38, с. 46, рис. 43]. Правда, есть указания и на то, что во времена Кларка на поверхности могли виднеться вполне определяемые следы башни (см. прим. 6 выше).

Далее Кларк описывает двухпанцирную кладку херсонесских стен: *«Старые стены как города Херсонеса, так и его построек чрезвычайно толстые, фактически во всех случаях являются двойными, то есть с каждой стороны имеют по панцирю, сооруженному из огромной массы камня, а промежуток между ними заполнен цементом, содержащим фрагменты посуды и другой грубый материал. Кажется, керамики здесь было очень много, не только так как она использовалась в строительных материалах, но и потому, что земля была покрыта фрагментами разбитых сосудов»* [74, р. 212].

Он также сообщает о найденной в 1794 г. плохо сохранившейся надписи, из которой только и можно было разобрать, что ей чествуется *«некий гражданин или магистрат за устройство виноградников»*. Камень хранился в Севастополе у адмирала Вильсона [74, р. 214]. Это, конечно же, надпись III в. до н.э. в честь Агасикла [IOSPE I², р. 380-383, № 418].

Во время второй поездки на Гераклеийский полуостров в сентябре 1800 г. (в этот раз Кларка сопровождал Паллас), близ Георгиевского монастыря какие-то крестьяне принесли путешественникам монеты, имевшие *«русское В на лицевой стороне и распятие на оборотной»*. Кларк немедленно приписал их князю Владимиру и связал их с его крещением [74, р. 290]. Однако, как мы теперь знаем, это монеты именно херсонесские, времени византийского императора Василия I (867–886 гг.), имя которого и скрыто в легенде [82, с. 116].

Путешествия по южной России трех французов тесно связаны с именем знаменитого А.-Э. де Ришельё, градоначальника Одессы, впоследствии – генерал-губернатора Новороссийского края.

Жан Рёйи (Jean Reuilly, 1780–1810 гг.) – фигура во многом загадочная. Представитель знатного пикардийского рода, он в 22 года отправился с особым поручением в Петербург, а в 1803 г. выехал оттуда на юг вместе де Ришельё после назначения того в Одессу. Вернувшись во Францию, Рёйи занимал ряд важных государственных должностей, стал членом Почетного легиона, корреспондентом Института Франции (по классу античной литературы), получил баронство. Он опубликовал книгу о Крыме [83], а также перевод «Описания Тибета» по немецкой рукописи, полученной в Крыму от Палласа [84]. Блестящую карьеру прервала безвременная смерть Рёйи в возрасте 30 лет [85, р. 2542, s. v. Reuilly; 86, р. 550, s. v. Reuilly].

Рёйи подозревали в том, что его поездка в Крым преследовала шпионско-дипломатические цели – сбор сведений о стране и выяснение, будут ли лояльны татары российской короне в случае войны с Францией. Вот, например, что писала англичанка Мэри Хоулдернесс (Mary Holderness), которая

в 1816–1820 гг. жила в селении Карагоз (ныне – с. Первомайское Кировского района АР Крым): *«Полагают, что Рейи был прислан сюда Бонапартом, чтобы разузнать о чувствах татар и познакомиться с политическим состоянием Крыма. Его краткое описание древней истории этой страны – выжимка из упомянутого выше писателя <С. Богуш-Сестренцевича>. Продолжив изложение ее истории, он нашел талантливого помощника и друга в лице профессора Палласа. Тем не менее, есть темы, в которых видна опротивленность суждений француза, в другие же изменения внесены временем, прошедшим с тех пор, как он писал»* [9, р. 106].

Вероятно, эти подозрения базировались на содержании сочинения Рёйи. Француз посвятил свое «Путешествие по Крыму» Наполеону. В начале книги сказано, что эти записки были сперва представлены французскому императору и публикуются с его разрешения; что деяния Наполеона вызывают восхищение даже у варваров-татар и т. п. В середине тома описана беседа автора со знатными татарами о Бонапарте и его политике, и об их отношении к российским властям. В книге собраны довольно подробные сведения о находившихся на полуострове армии и флоте [83, р. 163-171, 194-195, 199-211]. Конечно, все это могло возбудить подозрения в шпионаже. Впрочем, книга завершается рассуждением о том, что интересы Франции в вопросах черноморской торговли *«находятся в согласии с интересами России»*; Рёйи предлагает ряд мер, способствующих развитию сотрудничества в этой области [83, р. 255-258].

В Крыму Рёйи находился в конце весны и летом 1803 г. Здесь он познакомился с П.-С. Палласом, который не только консультировал француза, но также прочел и дополнил его записки и даже составил список крымских достопримечательностей, вошедших в его книгу, среди которых упоминается и Херсонес. Разумеется, влияние Палласа в тексте книги весьма ощутимо. Помимо этого, Рёйи признавал, что включил туда фрагменты сочинений предшественников, по его мнению, не утратившие актуальности [83, р. i-iii, 233-240].

В отличие от прочих травелогов, записки Рёйи построены не по дневниковому, а по аналитическому принципу. В первой части книги описывается физическая география Крымского полуострова, во второй – его «политическое состояние». В приложения вынесены описание монет, собранных автором в Крыму, путеводитель по достопримечательностям полуострова, очерк черноморской торговли и список основных торговых портов. Среди прочих вклеек, в книге имеется план Севастополя с обозначением древнего Херсонеса, а также таблица с изображением античных и средневековых монет, среди которых несколько херсонесских.

Вторая часть книги представляет собой серию очерков, описывающих историю полуострова с античных времен, рассказ о населяющих его народах, о принципах управления при ханах и при новой власти, об экономике полуострова, доходах, которые получает здесь государство, о возможных путях развития

Крыма, о Севастополе и российском флоте. Здесь же помещен очерк истории Херсонеса [83, р. 114-123]. Вероятно, Хоулдернесс права – источником ему послужило французское издание «Истории Тавриды» Богуш-Сестренцевича [36; 87]. Что же касается положения городища в 1803 г., Рёйи пишет: *«Сооружение Севастополя окончательно завершило разрушение этого древнего города, почти все стены которого еще можно было увидеть во время завоевания Крыма русскими. Среди мусора найдены надписи, несколько мраморных скульптур, монеты и медали из разного металла. Нужно отметить, что эти предметы найдены солдатами или матросами, так как ни у кого не возникло естественной мысли о производстве раскопок; тщательно организованные, они вознаградили бы того, кто взялся бы за это предприятие»* [83, р. 122-123]. Возможно, мысль о необходимости начать раскопки городища автору внушил Паллас, но не исключено, что он и сам пришел к такому выводу.

Собранные в Крыму, в том числе и в Херсонесе, монеты Рёйи передал во французскую императорскую библиотеку. К книге прилагается таблица с их изображениями и описания, сделанные г-ном Милленом [83, р. 223-232; pl. II]. Монета № 1 – херсонесская, начала III в. до н. э., № 2 – начала III в. н. э. [ср.: 82, с. 139, № 79; с. 155, № 286]. Во втором случае Миллен довольно точно определил дату выпуска. Остальные монеты принадлежат другим центрам или эпохам.

Другой француз, **Габриэль де Кастельно д'Орос** (Gabriel de Castelnaud'Auros, 1757–1826 гг.), также приехал на юг вместе с герцогом де Ришельё в 1803 г. Здесь он, по поручению герцога, начал собирать материалы по истории и современному состоянию Новороссии для написания всеобъемлющего о ней сочинения. Этот труд был завершён в 1812 г., а издан только после возвращения во Францию самого де Кастельно и его покровителя де Ришельё – в 1820 г. [88].

В первом томе книги рассматривается древняя и средневековая история Таврики, в том числе и Херсонеса. Для нашей же темы интересен помещенный в третьем, заключительном томе рассказ о поездке автора в Крым, когда он побывал в частности и в древнем городе. Известия о городище сложно назвать информативными – в основном это сетования на печальную судьбу Херсонеса, ставшего кучей мусора и маловразумительных развалин: *«Человеку, написавшему историю такого сильного государства, каким была республика Херсона, очень тяжело, когда ничего не можешь различить среди руин, оставшихся от ее столицы. Это чувство становится еще более горьким, когда не удастся найти ничего, могущего послужить опорой для истории, ничего касающегося искусства, ничего, что может удовлетворить любопытство, вызванное желанием ее исследовать»*. Впрочем, несмотря на запустение городища, оно по-прежнему скрывало разнообразные находки: *«Некоторые военные уверили меня в том, что видели стоявшие арки акведука, фасад храма, чьи мраморные колонны были увенчаны коринфскими капителями, вырезанными с большим вкусом; вдобавок, они нашли значительное количество монет»* [89, р. 201-203].

Стоит упомянуть также о шести «**Письмах путешественника по южным провинциям России**», которые были изданы – без упоминания имени автора – во французском альманахе в 1808 и 1809 гг. [90, р. 348-363, 363-377, 478-503; 91, р. 81-111, 348-360, 477-501]. Высказывались разные предположения об авторстве данного документа. А. Третьяк обратил внимание на совпадения между текстом «Писем» и травелогом де Кастельно [92, с. 12-14]. Таким образом, это мог быть черновой вариант записок последнего, который впоследствии был переработан и включен в третий том его «Очерков истории Новороссии».

Письмо, в котором говорится, среди прочего, о посещении Херсонеса, датировано 4 июля 1808 г. Путешественник побывал на развалинах древнего города несколько раньше, следуя из Севастополя в Балаклаву. Описание краткое и мало что прибавляет к известиям других травелогов: «*Минуем развалины древнего и знаменитого Херсона, колонии гераклейцев, которая простиралась, вероятно, до места, где теперь находится Балаклава. На земле видно очень немного развалин, но вымостка улиц еще прослеживается: Севастополь построен из материалов этого древнего города, которые пощадил время*» [90, р. 484-485]. Судя по всему, автор воспринял развалины Херсона и усадеб хоры как единый памятник, остатки целого города. Поэтому даже не вполне понятно, что он имеет в виду под «улицами» – городские магистрали или же дороги на хоре.

Еще один француз, **Жак-Франсуа Гамба** (Jacques François Gamba, 1763–1833 гг.) происходил из семьи промышленников. После реставрации Бурбонов он, по поручению вернувшегося во Францию и занявшего пост первого министра короля де Ришельё, совершил два путешествия в Южную Россию и на Кавказ (1817–1818 и 1820–1824 гг.), собирая информацию о возможностях торговли с этими регионами [93, с. 196, s. v. Гамба]. Вероятно, именно потому, что интересы Гамба лежали в настоящем, его рассказ о визите в Херсонес никак нельзя назвать информативным. «*Во время своего пребывания в Севастополе мы посетили развалины древнего Херсона – кучу лежащих в беспорядке камней, посреди которых мы не увидели ни малейшего следа памятников, несомненно, украшавших этот город греческого происхождения*». Далее в нескольких строках рассказывается о древней и средневековой истории города – вероятно, источником сведений послужил уже упоминавшийся Богуш-Сестренцевич – и это все [94, р. 31-32].

В июле 1821 г. в Херсонесе побывали сотрудники Российского Библейского общества – Джон Патерсон и **Эбenezер Хендерсон** (Ebenezzer Henderson, 1784–1858 гг.). Последний вскоре издал свои мемуары о путешествиях по России [95; 96⁹]. Сын шотландского крестьянина-протестанта, он в молодости примкнул

⁹ Хотя фамилию британца точнее будет передавать как «Хендерсон» [см.: 58, с. 78; 59, с. 227], авторы русского издания его записок предпочли устаревший способ – через «Г», вероятно, отдавая дань традиции.

к миссионерскому движению и провел около 20 лет за границей – в Дании, Швеции, Исландии, Германии и России. Не имея регулярного образования, Хендерсон самостоятельно выучил полтора десятка языков, включая древние и русский. От большинства записок иностранцев его сочинение отличает нехарактерный для прочих путешественников взгляд на действительность через призму миссионерской деятельности [97–99].

Хендерсон начинает свой рассказ с подборки сведений о древней и средневековой истории Херсонеса, который *«представляет любителю древностей самую занимательную часть Крыма»* [95, р. 342-345; 96, с. 222-225]. Правда, автор путает Херсонес – город с Херсонесом – Крымским полуостровом. В результате он, например, со ссылкой на Помпония Мелу пишет, что в городской цитадели некогда находился пещерный храм Артемиды Таврической. Это вторая, после де Бара, попытка отыскать ее святилище именно на городище. По мнению Хендерсона, несмотря на разрушение города сначала средневековыми завоевателями, а потом современными строителями Севастополя, в нем оставалось немало интересных памятников. Однако план Херсонеса в целом уяснить не было возможности: *«Кое-где отчетливо заметны улицы, но в целом вся местность покрыта мусором и столь обезображена попытками выкопать большие камни, образующие фундаменты домов, что ничего похожего на план строений различить нельзя»* [95, р. 346; 96, с. 225].

Путешественники прибыли в Херсонес на лодке, и первое, что увидели они – это *«лестничные ступени, ведущие от моря к городу; теперь они спускаются фута на три ниже уровня воды и, очевидно, сооружены были для торговых дел»* [95, р. 346; 96, с. 225]. Вероятно, Хендерсон описывает остатки несохранившихся до наших дней портовых сооружений в Карантинной бухте. О том, что таковые реально существовали, свидетельствует и Сумароков, побывавший в Херсонесе лет за 20 до Хендерсона и видевший там *«несколько вниз к морю сходов»* [33, с. 117; 34, с. 205].

Подобно некоторым другим путешественникам, Хендерсон обнаружил в центре городища холм, скрывавший развалины не то языческого храма Артемиды, не то христианской церкви св. Василия. Этот вывод автор сделал, вероятно, из письменных источников, упоминавших оба сооружения. Его поразила окружавшая город крепостная ограда *«чудовищной мощи и толщины, образованная двумя стенами, сложенными из больших камней, пространство между которыми было заполнено обломками кирпичей и глиняной посуды, и целое скреплено цементом. Лучше сохранилась западная сторона...»*. Перед нами описание двухпанцирной кладки херсонесских стен, очень похожее на Кларково [95, р. 346-347; 96, с. 225].

Британец **Роберт Лайалл** (Rober Lyall, 1789–1831 гг.) прибыл в Россию в 1815 г., а через год получил степень доктора медицины в Императорской Медико-хирургической академии. Увлечшись этой страной, он издал несколько

работ, посвященных истории, государственному устройству и национальному характеру русских [100; 101]. Вероятно, во многом благодаря этому он стал членом многих британских и российских ученых обществ, перечисленных на титуле его новой книги, ставшей результатом путешествия по России [102]. Он был приглашен в качестве переводчика, помощника, компаньона и врача итальянцев – маркиза Пуччи и графа Салазара, а также англичанина Эдуарда Пенрина. Примечательно, что Лайалл знал русский язык и всячески декларировал свое желание быть объективным наблюдателем [102, р. v-xii; см. также: 103, с. 163-169; 104, с. 118-121].

В предисловии путешественник жаловался на то, что его первые труды встретили неодобрение русских и лично императора Александра. Но виной тому могла быть не столько рассказанная автором горькая правда об империи, сколько известная фантастичность и наивность авторских описаний, иногда имеющих мало отношения к реальности. Например, рассказав о соборе в Симферополе, автор заключает: *«В целом, это, несомненно, самое красивое культовое сооружение, которое я видел в Российской империи»* [102, р. 242]. Удивительно слышать такое от человека, осматривавшего церкви Петербурга, Москвы и Киева.

В Херсонесе Лайалл побывал в мае 1822 г. Его записки почти ничего не сообщают об истории и памятниках древнего города – вероятно, автор полагал, что для этого лучше обратиться к упомянутым им трудам Палласа, Кларка и де Кастельно. Зато он долго сокрушается о трагических последствиях российского завоевания Крыма для древнего города, *«чье прежнее величие, общественные здания, храмы, акведуки, стены и башни в прежние годы вызывали восхищение, и чьи величественные руины наполняли изумлением и почтением даже невежественных и суеверных крымских татар. Среди них не нашлось кощунственной руки, осмелившейся подняться на эти остатки античности. У русских же таких чувств не было...»* [102, р. 297].

Херсонес так быстро разбирали на камень для строительства Севастополя, что к моменту приезда Лайалла с древним городом было уже практически покончено. *«Хотя император приказал сохранить все древности, виденное нами в действительности не стоило сохранения... Память о Херсоне сейчас существует лишь в книгах. Его место занял Севастополь...»* [102, р. 298]. Видимо, автор сильно бы удивился, если бы смог предвидеть блестящие результаты будущих раскопок Херсонеса. Вопреки его скептицизму, на городище оставалось еще много «стоящего сохранения».

Интересно, что значение Херсонеса автор видел, прежде всего, в его былой роли в крещении Руси. *«Херсон давно прославлен в России вследствие того, что крещение Владимира случилось в его стенах. Потому я был тем более удивлен, что ни российское правительство, ни сами русские не чувствуют религиозного благоговения перед развалинами города, где их великий князь*

принял ту веру, которую впоследствии распространил на свои владения, и которую они исповедуют до сих пор» [102, р. 298].

Единственный описанный Лайаллом памятник – развалины некоего гигантского сооружения. «Необъятные толстые стены, в одном месте пронизанные низкой аркой, возвышались на высоту в шесть-восемь футов над уровнем земли, соединенные тем же мергельным цементом, что и виденный нами в инкерманском замке...» [102, р. 297]. Возможно, речь идет о так называемой цитадели в юго-восточной части городища, а «арка» – одна из средневековых калиток в ее стенах.

Польский врач и естествоиспытатель **Кароль-Мацей** (Карл Григорьевич) **Качковский** (Karol Maciej Kaczkowski, 1797–1867 гг.) посетил Крым в 1825 г., будучи еще молодым человеком. Его поездка была предпринята из любопытства. Через несколько лет из печати вышли четыре тома воспоминаний о Крыме. Впоследствии Качковский стал профессором Варшавского университета, но особенно прославился на Родине как участник национально-освободительного восстания 1830 г., когда он возглавлял медицинскую службу польской армии. После поражения восставших Качковский вынужден был покинуть Польшу и много лет жил и работал в разных городах нынешней Украины [105].

В его дневнике рассказ о посещении Херсонеса помещен под 13 сентября 1825 г. Этот дневник – довольно подробное сочинение, освещающее самые разные природные, исторические и современные особенности крымской жизни. Трудно избавиться от ощущения, что сделанные в дороге записи были лишь основой, к которой Качковский уже после возвращения из поездки прибавил подробные сведения, взятые из книг разных авторов, бывавших в Крыму до него или же описавших полуостров издалека.

Так, хотя его рассказ о Херсонесе достаточно подробный, основное его содержание составляют сведения об истории города, взятые, судя по всему, у Богуш-Сестренцевича [106, s. 144-156]. Информация о городище весьма скудная – путешественник видел здесь, главным образом, каменные кладки, которые «занимают обширные участки земли в разных направлениях. – Это лишь следы былого величия Херсона!» [106, s. 143]. По мнению Качковского, им угрожает полное исчезновение, поскольку «большие камни забирают в Севастополь для строительства» [106, s. 155]. Впрочем, и сам поляк поучаствовал в разрушении культурных слоев.

«Проводник показал нам место монетного двора», – сообщает Качковский. Надо полагать, это был какой-то участок, где находили монеты, и потому решили, что здесь был монетный двор – суждение, вряд ли имеющее хоть какое-то отношение к реальности. Соблазн оказался слишком велик: путешественник решил провести собственные «раскопки» в поисках если не сокровищ, то хотя бы самой заваливающей монеты. Увы, усилия оказались тщетными – хотя бы потому, что Качковский не захватил с собой нужных инструментов

[106, s. 155-156]. Эта история говорит о том, что любительские поиски древностей на городище процветали. Сейчас мы даже приблизительно не можем определить степень нанесенного ими ущерба.

Английский морской офицер **Джордж-Маттью Джоунз** (George Matthew Jones, ок. 1785–1831 гг.) опубликовал свои воспоминания о поездке по Скандинавскому полуострову, России и Турции в 1827 г. Был он морским офицером и путешествовал по Европе в начале 1820-х гг. для изучения морского дела в разных странах [107, p. 237]. Его отчеты пространны, причем автор подробно цитирует своих предшественников, например, Кларка или Палласа. Античностью он интересовался мало, предпочитая современность.

В Херсонесе и окрестностях Джоунз оказался в апреле 1823 г. Его описание древнего города подаются в связи с жизнью современного Севастополя. Так, проблемы с питьевой водой в городе побудили англичанина вспомнить о древних акведуках: *«Население древнего Херсонеса, несомненно, пользовалось преимуществами таких водоводов, ведь в противном случае многочисленные жители, которые, судя по еще сохраняющимся остаткам, должны были населять эту страну, не могли бы уберечься от последствий жажды. Потому следует предпринять усердные поиски древнего акведука, следы которого уже обнаружены, и возобновить его»* [108, p. 262-263]. Хотя «Херсонес» здесь, исходя из более широкого контекста, обозначает весь Гераклейский полуостров, упомянутые водоводы должны были вести именно в древний город. Но что за их «следы» и где именно были обнаружены, автор не уточняет. Вполне вероятно, Джоунз не видел самого водопровода, но читал о нем у Богуш-Сестренцевича: выше уже говорилось о том, что, по словам последнего, он беседовал с подполковником Бальдани, который в 1783 г. проводил по поручению Потёмкина исследование Херсонеса с точки зрения рассказа летописи о крещении князя Владимира и даже обнаружил там водопровод [36, p. 304].

Далее Джоунз переходит к рассказу непосредственно о древнем городе: *«Прогулка в четыре версты <от Севастополя> привела меня к Херсонесу. Некоторые его стены очень хороши, построены из грубого камня на растворе. Цитадель стоит прямо на юго-западном берегу карантинной гавани, а развалины города тянутся на версты вдоль берега и примерно на одну версту вглубь его...»* [108, p. 270]. Далее следуют обычные сожаления по поводу разрушения городища строителями Севастополя и пространная цитата из Палласа по этому поводу.

Шотландец **Джеймс Уэбстер** (James Webster, 1802–1828 гг.), выучившись на юриста в Иннер-Темпле (один из лондонских университетов-гостиниц для студентов, обучающихся праву), решил совершить поездку по Европе для завершения образования. Его компаньонами стали англичане У. Гринвилл и У.-Х. Ньюем. В 1827 г. путешественники оказались в России, в сентябре этого года – в Крыму. Отсюда они отправились в Турцию и Египет, где Уэбстер

заболел лихорадкой и скоропостижно скончался 26 лет от роду. Ньюнем разобрал и издал путевые записки Уэбстера в память о друге [109; 110, p. 434-449; 111, p. 489, s. v. Webster]. Дневникам Уэбстера свойственна сентиментальность, романтизм, глубокое христианское чувство, что иногда приводило автора к долгим отвлеченным рассуждениям. Отсутствие последующей авторской и редакторской правки позволяет относиться к ним как к весьма объективному источнику.

В Крыму Уэбстер оказался очевидцем раскопок Херсонеса, с которых в литературе обычно начинают отсчитывать историю археологического изучения памятника. Однако его записки не помогут окончательно разрешить вопрос о том, кто же исследовал городище в 1827 г. – М. Б. Берх [112, с. 173-174] или К. Крузе [15, с. 509-514], ведь автор не сообщает имени руководителя раскопок. Поскольку он был там всего один день в сентябре, возможно, что руководителя в этот момент и не было на городище. Уэбстер так описывал увиденное:

«Раскопки продвигаются очень медленно, а поддающиеся обнаружению памятники и остатки едва ли могут вознаградить усилия и затраты по их поиску. Все остатки древнего Херсонеса до крайности разрушены; те из них, что открыты в настоящее время, в основном относятся к средним векам. Рабочие раскапывали развалины, скрывавшие древнюю молельню, но их труды не открыли ничего, кроме немногих плохих ионийских колонн с крестами, вырезанными на стволах и капителях. В центре находится длинная и высокая зеленая насыпь, с которой вид на серые кучи можно обозреть целиком. Стены прослеживаются от моря и до моря, причем некоторые их части имеют высоту от двадцати до двадцати пяти футов. На поворотах имеются следы круглых башен. Та, что вблизи карантинной гавани, почти не повреждена. Эти остатки показывают степень разрушения. Варвар проявил свою дикость и, возможно, пожелал показать, какой огромный город он разрушил» [75, p. 76].

В отличие от многих путешественников, концентрировавшихся на памятниках античности и не желавших видеть в Херсонесе остатки более позднего времени, Уэбстер говорит как раз о средневековье. Впрочем, он вполне скептичен в отношении возможных результатов исследования. Попробуем локализовать виденные им объекты.

«Длинная насыпь», с которой Уэбстер осматривал Херсонес, это, вероятно, описанный выше загадочный холм в западной части городища. Раскопки Крузе открыли три церкви [47, с. 203-205; 51, с. 48-51]. Первая – так называемая крестообразная № 27 на агоре, которую отождествляли с местом крещения Владимира. Ее остатки находятся в нижней части современного собора. Второй храм, предположительно базилика № 17, располагался в западной части городища и сейчас полностью скрыт под землей. Наконец, третий лежал

к северу от первого [51, с. 51; ср. с. 54 слл., 67 слл., 97 слл.]¹⁰. Точная локализация второй и третьей церковей дискуссионна. Уэбстер говорит о колоннах с крестами, а, по словам Крузе, такие были обнаружены раскопками первого и второго храмов. Виденную им постройку Уэбстер называет «*chapel*» – то есть маленьким сооружением. Согласно же Крузе, маленькими размерами отличался именно второй храм (хотя он вполне мог его не докопать и потому ошибиться в размерах). Таким образом, Уэбстер мог видеть вторую из открытых Крузе церковей, но проверить это уже не получится. Что же касается башни близ Карантинной бухты, то на литографии К. Боссоли 1842 г. действительно видны хорошо сохранившиеся остатки такого сооружения (рис. 3). Правда, художник дал волю своему воображению, и потому определить, что конкретно это за башня, довольно сложно.

Издание записок Уэбстера не обошлось и без курьеза. В книге имеется виньетка, названная «Развалины Херсонеса» [75, р. 75; ср. указатель виньеток в конце тома]. Но это досадная ошибка: на рисунке изображена мечеть где-то на южном берегу, возможно, в Алушке, описание которой приводит Уэбстер [75, р. 65]. Поскольку перепутать изображение мечети на фоне гор с руинами древнего города довольно сложно, быть может, сюда планировали поместить другой рисунок, но в последний момент сделали замену, забыв внести соответствующие изменения в указатель. Не исключено также, что указатель к виньеткам составлял не слишком образованный работник издательства, потому и произошла путаница.

Помимо описания Херсонеса, травелог Уэбстера содержит массу любопытных сведений. В частности, находясь в Симферополе, путешественник узнал любопытные подробности, связанные с открытием на его окраине городища Керменчик (скифского Неаполя). Эти известия кажутся настолько интересными, что ради их изложения можно отступить от темы данной статьи.

В столице Крыма Уэбстер познакомился с А. И. Султан-Крым-Гиреем (1789–1847 гг.). Выходец из северокавказской ветви Гиреев, по некоторым сведениям – внук последнего крымского хана, он был крещен шотландскими миссионерами и впоследствии несколько лет провел в Шотландии, где женился на юной дворянской дочери Энн Нилсон (в России ее называли Анной Яковлевной) [108, р. 227-233; 113, р. 71-99]. Крым-Гирей рассказал Уэбстеру историю открытия городища Керменчик, отличающуюся от той, что описывается в современной археологической литературе. Подчеркну, что Крым-Гирей прекрасно говорил по-английски, был очень доброжелателен по отношению к путешественникам, к моменту встречи с Уэбстером в сентябре 1827 г. со времени его находки прошло

---

¹⁰ Тот храм, который сейчас называют «базиликой Крузе» (№ 7; находится в восточной части Херсонеса), вероятно, к его раскопкам не имеет никакого отношения [51, с. 51, 67 слл.].

всего несколько месяцев, а дневник последнего впоследствии не редактировался. Вот что записал Уэбстер:

«Мы пообедали у Султана, который показал нам грубо исполненный рельеф скифского воина верхом на коне. Возле него была надпись, где упоминался царь Скилур. По словам Султана, ее нашли в миле от Симферополя. Он полагает, что соседний холм – это место, где была третья крепость Скилура. Там есть много очень древних и интересных развалин, которым, однако, русские выказывают немного уважения, употребляя рельефы и камни с надписями для ремонта дорог. Чтобы убедить нас в этом, Султан выехал на участок дороги и, указывая на камни, сказал: “Они лежали там”. Можно ли вообразить что-то более варварское?» [75, р. 94].

«Третья крепость» – это отсылка к следующим словам Страбона: «Кроме перечисленных местностей, в Херсонесе <то есть на Крымском полуострове> есть также укрепления, которые построил Скилур и его сыновья. Эти укрепления – Палакий, Хаб и Неаполь...» (Strabo Geogr. 7. 4. 7).

Традиционная версия этих событий несколько отличается. Согласно ей, в апреле 1827 г. Крым-Гирей встретил подводу, везущую в город камень, взятый с Керменчика, среди которого были плита с рельефным изображением скифского всадника и три надписи, одна из которых – с именем Скилура. Камень предназначался для строительства дома какого-то татарина. Крым-Гирей выкупил памятники [114, с. 47; 115, с. 24; 116, с. 15]. Это и послужило толчком к началу археологических раскопок на городище [15, с. 537-544].

Неясно и то, что за камень нашел Крым-Гирей. П. Кеппен говорит, что это был «песчаный камень с изображением всадника на коне и Греческою надписью, упоминающей о Скилуре...» [117, с. 36]. Н. Сементовский описывает «песчаный камень с рельефным на нем изображением всадника; под конем выдолблена греческая надпись, в которой упоминается имя царя Скилура» [116, с. 15], о том же свидетельствует и Уэбстер. Однако возможно, что это были два отдельных памятника – рельеф и надпись, по ошибке принятые за фрагменты одного. Ср. опубликованные изображения [IOSPE I², р. 505 (no. 668); 118, рис. 1 (вклейка)].

Другой шотландец **Джеймс-Эдвард Александер** (James Edward Alexander, 1803–1885 гг.), офицер британской армии, прославился многочисленными путешествиями по Индии, Африке, Ближнему и Среднему Востоку, Новой Зеландии и другим местам, записки о которых регулярно публиковались [ЕВ, s. v. Alexander, James Edward; 119, р. 87-88, s. v. Alexander; 120, с. 5-17; 121]. В России он побывал в 1829–1830 гг., пожелав присоединиться к русской армии после начала очередной войны с Османской империей. Вскоре по возвращении на родину Александер издал материалы своих наблюдений [77–79¹¹].

---

¹¹ В русском переводе отсутствуют введение и приложение к первому тому, а также те главы тома второго, где говорится о приключениях автора в Турции.

Подобно Уэбстеру, Александер не хотел ни рисовать парадный портрет России, ни мазать чужую страну черными красками. К тому же он изучал русский язык, а это позволяло получать информацию непосредственно и не прибегать к услугам переводчика.

В Крыму автор оказался летом 1829 г. Севастополь был закрыт на карантин из-за завезенной из Турции чумы, что не помешало путешественнику совершить несколько поездок по окрестностям города и, в частности, посетить Херсонес. Близ древнего города находились «пещеры», за которые автор, конечно же, принял склепы загородного некрополя. *«В этих пещерах, выдолбленных в известняковой скале, как правило, вырублены шесть каменных лож, расположенных по трем сторонам пещеры одно над другим».* В склепах разместился пикет греков-арнаутов, использовавших древние сооружения в качестве жилищ. Здесь же заночевал и сам путешественник: *«Мы отведали арбузов и сели играть в карты, на эту ночь я остался у греков»* [77, р. 266-267; 79, с. 169-170].

Александер осмотрел стены Херсонеса, толстые, с полукруглыми «арками» (вероятно, средневековыми калитками), 30 футов (то есть 10 метров) высотой. Видел он и развалины христианских храмов с упавшими мраморными колоннами и фризами, с разоренными могилами под полом. Неизвестно, что это были за храмы – возможно, те, что были открыты раскопками Крузе в 1827 г. [77, р. 266-267; 79, с. 169-170]. Александер упоминает лишь два храма, но и третья описанная, но не определенная им постройка, похоже, также была церковью: путешественник подходил к *«фундаментам здания, оканчивавшегося дуговой стеной, откуда выкопаны были горы человеческих костей, лежавших поблизости»* [77, р. 267]. «Дуговая стена» – это, надо полагать, алтарная апсида, а кости выбросили из погребений под полом церкви¹².

Херсонес разрушали не только строители Севастополя – городище стало ареной деятельности грабителей: *«Прах тревожили ради добычи зарытых сокровищ; греческие солдаты дали мне несколько медных монет с изображением Минервы, дельфина и других хорошо известных античных символов»* [77, р. 267; 79, с. 170].

Еще один описанный автором объект идентифицировать довольно сложно. *«Недалеко от моря, на возвышении виднелись следы квадратной крепости»*, – пишет Александер [77, р. 267; 79, с. 170]. Что это такое, ясно не вполне. Если бы не указание на возвышенное положение, можно было бы думать, что шотландец наблюдал руины цитадели в юго-восточной части городища. С другой стороны, известно, что в центральной части города, на возвышенности находилась постройка византийской эпохи с исключительно мощными

---

¹² Перевод этого фрагмента в русском издании откровенно неудачный – в нем появились «могильные курганы», а «дуговая стена» вместо того, чтобы завершать постройку, стала ее окружать [79, с. 169].

стенами, раскопанная в начале XX в. и впоследствии уничтоженная при строительстве зданий современного монастыря. Существует предположение, что это был «замок», резиденция наместника города, административный центр византийского Херсона [122, с. 278-280]. Можно было бы предположить, что Александр видел именно это сооружение, однако оно расположено сравнительно далеко от моря, а, кроме того, постройка была разрушена еще в византийское время и перекрыта «лачужками»¹³.

К первому тому английского издания приложен очерк, называющийся «Древности на берегах Черного моря» [77, р. 287-308]. Здесь автор рассказывает о каменных изваяниях, находимых на курганах; античных монетах, причем «обычным изображением на монетах Херсонеса была рыба»¹⁴; греческой колонизации; деяниях Митридата Евпатора; и, наконец, античных находках из разных мест, собранных, главным образом, в коллекции адмирала А. С. Грейга в Николаеве – они изображены на в специальной таблице на вклейке (рис. 4). Пятым пунктом идет мраморный антемий, найденный в развалинах Херсонеса [77, р. 299]. Завершается очерк размышлениями о торговле в Причерноморье в античности, средние века и новое время.

Через некоторое время автор вновь оказался на берегах Карантинной бухты. Теперь здесь жили пленные турки, русские моряки, заболевшие чумой, и обслуживавшие их каторжники: «...мы увидели скалистый берег, заполненный полутора тысячами пленных турок, которые образовывали живописные группы, стоя и сидя на неровном берегу. Ниже располагались многочисленные пещеры, в которых жили несчастные османцы. Потом мы подошли к часовому, охранявшему пещеру с низким входом, обнесенную оградой; устье пещеры омывалось волнами. Здесь лежали жертвы ужасного недуга...» [77, р. 283-286; 79, с. 179-180]. Автор не подозревал, что вскоре ему самому предстоит стать «узником» херсонесского карантина.

Из Крыма Александр отправился к театру военных действий – в Турцию. При возвращении в Россию после заключения мира, экипаж корабля, на котором находился путешественник, был помещен в карантин, поскольку в Турции свирепствовала чума. Александр провел три недели на руинах Херсонеса, в каком-то доме, вероятно, сооруженном из древних остатков «без стола, стульев, постельного белья. Мы жестоко страдали от холода... С едой было совсем плохо: питались мы только черным хлебом и овощами, из

¹³ Нужно сказать, что перевод и этого фрагмента в русском издании не кажется очень удачным. Возможно, лучший вариант: «...а по направлению к морю <от второй церкви>, на поднимающемся участке земли, были явные следы квадратной цитадели». Если предположить, что море автор противопоставляет Севастопольской бухте, это будет дополнительным аргументом в пользу соотнесения виденной им «цитадели» с «замком» в центральной части городища.

¹⁴ Возможно, речь идет о ранних монетах Херсонеса IV в. с изображением рыбы или дельфина на оборотной стороне [82, с. 134-135].

которых собственноручно ухитрялись готовить суп». Правда, такое положение не помешало Александру, когда в Севастополь прибыл английский фрегат, нуждавшийся в провизии и топливе, сделать *«все, чтобы добыть все необходимое в Севастополе. Были забиты и отправлены в карантин волы и овцы, а греческие купцы снабдили корабль бакалеей».* Это обстоятельство, в ряду прочих, могло бы возбудить подозрение в шпионаже и связях с агентами в городе, так что по окончании карантина британец был помещен под арест и вынужден был долго доказывать свою невиновность [78, р. 180-181, 186 ff.; 79, с. 211, 214 слл.].

Впоследствии Александру предстояло вернуться в Россию – во время Крымской войны он осаждал Севастополь в чине генерал-лейтенанта британской армии, командовал 14-м пехотным полком. Интересно, побывал ли он на развалинах Херсонеса еще раз?

***

Таким образом, в конце XVIII – начале XIX в. путешественники-европейцы формируют у читающей публики интерес к развалинам Херсонеса и его окрестностей. Несмотря на то, что их сочинения были совершенно разными в жанровом отношении, имели разную информативность, а самим авторам был свойственен субъективный взгляд на вещи, нередко искажавший реальную картину происходящего, их сочинения рисуют вполне определенный образ Херсонеса, имевший как вполне реальные, так и воображенные черты. И, конечно, на иностранцев влияли как их собственные идеологические установки, так и результаты общения с жителями Крыма (особенно с Палласом), и даже государственная идеология России, которая при Екатерине уделяла большое внимание античному и средневековому наследию [70, с. 100-120].

Травелогии способствовали росту интереса к истории города, предлагали первые очерки древнего и средневекового Херсонеса. Путешественники делали попытки – иногда неловкие – связать данные источников с археологическими памятниками городища. Популярны были попытки соединить сведения по античной географии Страбона и летописные известия об осаде Херсонеса Владимиром с тем, что путешественники видели непосредственно на городище и в его окрестностях.

Помимо этого, они описывают городские укрепления, портовые сооружения, христианские церкви, холм на городище, монеты и эпиграфические памятники, склепы в окрестностях города и загородный храм, остатки построек на хоре. Путешественникам обязаны мы известиям о несохранившихся до наших дней конструкциях, таких как спускавшиеся в Карантинную бухту «ступени» и постройки на ее восточном берегу. Производились первые попытки понять назначение различных сооружений, нередко оказывавшиеся ошибочными. Так, склепы на некрополе зачастую понимались как жилища, а водосборная галерея близ загородного храма – как городской водопровод.

Эти интерпретации могут быть показателем взаимовлияния идей, циркулировавших среди исследователей Крыма. Много лет проживший в Крыму и специально изучавший полуостров и его древности Габлиц, который дружил с Палласом, описывает и трактует склепы («подземельные пещеры, кои внутри поддерживаются столбами») и загородный храм с водосборной галереей (понятые им как элементы системы городского водоснабжения) в выражениях, близких к использованным его другом [32, с. 162-163]. Вряд ли эти интерпретации возникли у них независимо. Неизвестно, Паллас ли заимствовал у Габлица, или Габлиц у Палласа, но обмен мнениями между «приезжими» и «местными» определенно имел место. О том же говорят и рассказы Кларка и Рёйи, как поселившийся в Крыму Паллас оказывал им разностороннюю помощь в изучении полуострова.

Иностранцы свидетельствуют о катастрофических последствиях строительства Севастополя для Херсонеса. Паллас и Рёйи призывали начать исследовательские раскопки древнего города. Так археологические древности становятся неотъемлемой частью образа Крыма и мотивом, привлекающим сюда все новых гостей.

Эти изыскания способствовали формированию представления о Херсонесе как о христианском центре, истоке русского православия, религиозной святыне. Кажется, это значение в глазах западной публики город приобрел быстрее, чем у русских путешественников и их читателей [123; 124, р. 49 ff.].

Интересно, что большинство путешественников желали отыскать в Крыму античность. Хотя видневшиеся на поверхности земли остатки укреплений и других построек несомненно относились именно к средневековому времени, почти все путешественники, исключая, пожалуй, только де Миранду и Уэбстера, понимали их как греко-римские. В результате благодаря Палласу, Кларку и другим Крымский полуостров стал восприниматься как «заповедник классической античности», а Херсонес – как, прежде всего, античный памятник.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Боплан Г.Л. де. Описание Украины / Пер. с фр. З. П. Борисюк. М., 2004.
2. Дортелли д'Асколи Э. Описание Черного моря и Татарии / Пер. с ит. Н. Н. Пименов // ЗООИД. 1902. Т. XXIV.
3. Броневский М. Описание Крыма / Пер. слат. И. Г. Шершеневич // ЗООИД. 1867. Т. VI.
4. Peyssonnel Ch. de. Observations historiques et géographiques, sur les peuples barbares qui ont habité les bords du Danube & du Pont-Euxin. Paris, 1765.
5. Тунманн. Крымское ханство / Пер. с нем. Н. Л. Эрнст, С. Л. Белявская. Симферополь, 1991.
6. Formaleoni. Histoire philosophique & politique du commerce, de la navigation, et des colonies des anciens dans la Mer-Noire... Т. I. Venise, 1789.
7. Formaleoni. Histoire philosophique & politique du commerce, de la navigation, et des colonies des anciens dans la Mer-Noire... Т. II. Venise, 1789.

8. Parkinson J. A Tour of Russia, Siberia and the Crimea, 1792–1794. London, 1971.
9. Holderness M. Journey from Riga to the Crimea, with Some Account of the Manners and Customs of the Colonies of New Russia. 2nd ed. London, 1827.
10. Memoirs of the Life and Gospel Labours of Stephen Grellet / Ed. by B. Seebohm. Vol. I. Philadelphia, 1860.
11. Храпунов Н.И. Путешествие по Крыму Стивена Греллета // МАИЭТ. 2009. Вып. XV.
12. Ящуржинский Х. Очерк археологических разведок и исследований в области Херсонеса Таврического // ИТУАК. 1888. Вып. 5.
13. Бертье-Делагард А.Л. Древности Южной России. Раскопки Херсонеса // МАР. 1893. № 12.
14. Бобринский А. Херсонес Таврический. Исторический очерк. СПб., 1905.
15. Тункина И.В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.). СПб., 2002.
16. Равдоникас В.И. Пещерные города Крыма и готская проблема в связи со стадийным развитием Северного Причерноморья // ИГАИМК. 1932. Т. XII, вып. 1–8: Готский сборник.
17. Герцен А.Г. Мангуп глазами исследователей и путешественников (XVI – начало XX в.) // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь, 2008. Вып. 3.
18. Непомнящий А.А. Записки путешественников и путеводители в развитии исторического краеведения Крыма (последняя треть XVIII – начало XX в.). Киев, 1999.
19. Каушлиев Г.С. Вклад английских путешественников в историко-культурное освоение Крыма (конец XVIII – начало XIX века) // Ученые записки Таврического национального университета. Серия «Исторические науки». 2010. Т. 23(62). № 1.
20. Деремедведь Е.Н. Крымская Ривьера. Авантюрные приключения англичанок в Тавриде. Симферополь, 2008.
21. Köhler Н.К.Е. Description des médailles de Chersonésus, ville de Chersonèse-Taurique, auxquelles sont ajoutées deux médailles de Cherson // Н.К.Е. Köhler's Gesammelte Schriften im Auftrage der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften / Hrsg. L. Stephani. St. Petersburg, 1850. Bd. II: Serapis. Th. II.
22. Kosmeli M. Rhapsodische Briefe auf einer Reise in die Krim und die Türkei. Halle, 1813.
23. d'Asfeld L. T. Haslam-Gherai, sultan de Crimée, ou Voyages et souvenirs du duc de Richelieu... Paris, 1827.
24. Biographie universelle, ancienne et moderne... Т. 57. Paris, 1834.
25. Regemorter J.-L. van, Cadot M. Le commerce extérieur de la Russie en 1784, d'après le journal de voyage de Baert du Hollant // Cahiers du monde russe et soviétique. 1969. V. 10. № 3–4.
26. Mémoire extrait du journal d'un voyage fait, au printemps de 1784, dans la partie méridionale de la Russie // Voyages historiques et géographiques dans les pays situés entre la Mer Noire et la Mer Caspienne... Paris, 1798.
27. Чудинов А.В. Жильбер Ромм и Павел Строганов: история необычного союза. М., 2010.
28. Раткевич К.И. Путешествие Жильбера Ромма в Крым в 1786 г. // Ромм Ж. Путешествие в Крым в 1786 г. / Пер. с фр. К. И. Раткевич. Л., 1941.
29. Ромм Ж. Путешествие в Крым в 1786 г. / Пер. с фр. К. И. Раткевич. Л., 1941.
30. Петрова Э.Б., Прохорова Т.А. Крымские путешествия: Шарль Жильбер Ромм. «Путешествие в Крым в 1786 году». Симферополь, 2011.

31. Головачов В.Ф. История Севастополя как русского порта. СПб., 1872.
32. О следах древнего греческого города Херсона, донныне видимых в Крыму // Отечественные записки. 1822. № 22. Февраль.
33. Сумароков П. Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году. М., 1800.
34. Сумароков П. Досуги крымского судьи или второе путешествие в Тавриду. Ч. I. СПб., 1803.
35. Домбровский О.И. Архитектурно-археологическое исследование Загородного крестообразного храма Херсонеса // МАИЭТ. 1993. Вып. III.
36. Sestrenczewicz de Bohusz S. Histoire de la Tauride. T. 1. Brunswick, 1800.
37. Миранда Ф. де. Путешествие по Российской Империи / Пер. с исп. М. С. Альперович. М., 2001.
38. Гриневич К.Э. Стены Херсонеса Таврического, часть II // ХСб. 1927. Вып. II.
39. Альперович М.С. Франсиско де Миранда в России. М., 1986.
40. Альперович М.С. Испаноамериканский креол при дворе самодержицы всероссийской // Миранда Ф. де. Путешествие по Российской Империи. М., 2001.
41. Вагеманс Э. Питер ван Вунсел: нидерландский критикан на русской службе // Голландцы и бельгийцы в России. XVIII–XX вв. СПб., 2004.
42. Woensel P. van. Aanteekeningen, gehouden op eene reize door Turkeyen, Natoliën, de Krim en Rusland in de jaren 1784–89. D. 2. Constantinopolen, 1793.
43. Паллас П.С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Российского государства в 1793–1794 годах / Пер. с нем. С. Л. Белявская, А. Л. Бертье-Делагард. М., 1999.
44. Маркевич А.И. Академик П. С. Паллас. Его жизнь, пребывание в Крыму и ученые труды // ИТУАК. 1912. № 47.
45. Латышев В.В. Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. СПб., 1896.
46. Алексеенко Н.А. К вопросу о деятельности херсонесского монетного двора в XIII столетии // ХСб. 1996. Вып. VII.
47. Дюбуа де Монпере Ф. Путешествие по Кавказу, к черкесам и абхазам, в Грузию, Армению и в Крым... / Пер. с фр. Т. М. Фадеева. Симферополь, 2009.
48. Бернацки А.Б., Клёнина Е.Ю. Сакральная архитектура византийского Херсона (по результатам раскопок и аэроснимков) // ХСб. 2006. Вып. XV.
49. Косцюшко-Валюжинич К.К. Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1903 году // ИАК. 1905. Вып. 16.
50. Археологические разыскания близ древних Пантикапея, Фанагории и Херсонеса (1845–1846) // Журнал Министерства внутренних дел. 1846. Ч. XVI.
51. Айналлов Д.В. Развалины храмов // Памятники христианского Херсонеса. М., 1905. Вып. I.
52. Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес. Очерки истории материальной культуры // МИА. М.; Л., 1959. № 63.
53. Романчук А.И. Исследования Херсонеса-Херсона. Раскопки. Гипотезы. Проблемы. Т. 1: Античный полис. Тюмень, 2008.
54. Маркевич А.И. Судьбы памятников древности в Тавриде // Непомнящий А.А. Арсений Маркевич. Страницы истории крымского краеведения. Симферополь, 2005.
55. Тункина И.В. Открытие Феодосии. Страницы археологического изучения Юго-Восточ-

- ного Крыма и начальный этап истории Феодосийского музея древностей. 1771–1871. Киев, 2011.
56. Pallas. Voyages enterpris dans les gouvernemens méridionaux de l'Empire de Russie... Planches. Paris, 1805.
  57. Анохин В.А. Монетное дело Боспора. Киев, 1986.
  58. Гиляровский Р.С., Старостин Б.А. Иностранные имена и названия в русском тексте. Справочник. М., 1985.
  59. Рыбакин А.И. Словарь английских фамилий. М., 1986.
  60. Guthrie M. A Tour, Performed in the Years 1795-6, through the Taurida, or Crimea... London, 1802.
  61. Kizilov M. Karaites through the Travellers' Eyes: ethnic history, traditional culture and everyday life of the Crimean Karaites according to the descriptions of the travellers. New York, 2003.
  62. Мальгин А.В. Русская Ривьера. Курорты, туризм и отдых в Крыму в эпоху Империи. Конец XVIII – начало XX в. Симферополь, 2004.
  63. Герардини О.Н. Описание Судака в записках Гутри М. (перевод писем) // Материалы II научной конференции «Актуальные вопросы истории, культуры, этнографии и экологии Юго-Восточного Крыма. Новый Свет, 2009.
  64. Cross A. By the Banks of the Neva: chapters from the lives and careers of the British in the eighteenth-century Russia. Cambridge, 1997.
  65. Татаринцева Р.И. Из истории британско-русских литературных связей конца XVIII столетия: путевые записки Марии Гутри // МАИЭТ. 2003. Вып. X.
  66. Тункина И.В. Археолого-эпиграфические исследования Ф. К. Маршала фон Биберштейна в Восточном Крыму и на Кавказе в конце XVIII в. по неизданным архивным документам // Человек и древности. Памяти Александра Александровича Формозова (1928–2009). М., 2010.
  67. Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М., 2003.
  68. Campenhausen. Travels through Several Provinces of the Russian Empire... London, 1808.
  69. Watt R. Bibliotheca Britannica, or a General Index to English and Foreign Literature. Vol. I. Edinburgh, 1824.
  70. Зорин А. Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII – первой трети XIX в. М., 2004.
  71. Otter W. The Life and Remains of Edward Daniel Clarke. New York, 1827.
  72. The Georgian Era: memoirs of the most eminent persons, who have flourished in Great Britain... Vol. III. London, 1834.
  73. Lower M.A. The Worthies of Sussex... Lewes, 1865.
  74. Clarke E.D. Travels in Various Countries of Europe, Asia, and Africa. Part the first. Russia, Tahtary, and Turkey. 4th ed. Vol. 2. London, 1817.
  75. Webster J. Travels through the Crimea, Turkey, and Egypt... Vol. 1. London, 1830.
  76. The American Review of History and Politics, and General Repository of Literature and State Papers. Vol. III. Philadelphia, 1812.
  77. Alexander J.E. Travels to the Seat of War in the East through Russia and the Crimea in 1829... Vol. I. London, 1830.
  78. Alexander J.E. Travels to the Seat of War in the East through Russia and the Crimea in 1829... Vol. II. London, 1830.

79. Александр Дж. Россия глазами иностранца / Пер. с англ. А. Базилевич. М., 2008.
80. Clarke E.D. Greek Marbles Brought from the Shores of the Euxine, Archipelago, and Mediterranean, and Deposited in the Vestibule of the Public Library of the University of Cambridge. Cambridge, 1809.
81. Качарава Д.Д., Квирквелия Г.Т. Города и поселения Причерноморья античной эпохи (малый энциклопедический справочник). Тбилиси, 1991.
82. Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса (IV в. до н. э. – XII в. н. э.). Киев, 1977.
83. Reuilly J. Voyage en Crimée et sur les bords de la Mer Noire, pendant l'année 1803... Paris, 1806.
84. Description du Tibet, d'après la Relation des Lames Tangoutes, établis parmi les Mongols / Tr. de l'allemand avec des notes par J. Reuilly. Paris, 1808.
85. Biographie universelle classique, ou dictionnaire historique portatif. P. 2: H–R. Paris, 1829.
86. Quérard J.-M. La France littéraire, ou dictionnaire bibliographique... Т. 7. Paris, 1835.
87. Sestrenczewicz de Bohusz S. Histoire de la Tauride. Т. 2. Brunswick, 1800.
88. Полевщикова Е. Неизвестное и известное о маркизе де Кастильно // Дерибасовская-Ришельевская: одесский альманах. 2005. № 23.
89. Essai sur l'histoire ancienne et modern de la Nouvelle Russie. Т. III. 2nd ed. Paris, 1827.
90. Lettres d'un voyager dans les provinces méridionales de Russie // Bibliothèque britannique... Т. 39. Genève, 1808.
91. Lettres d'un voyager dans les provinces méridionales de Russie // Bibliothèque britannique... Т. 40. Genève, 1809.
92. Третьяк А. «Lettres sur Odessa» Шарля Сикара // Дерибасовская-Ришельевская: одесский альманах. 2010. № 43.
93. Русский биографический словарь. СПб., 1914. Т. V.
94. Gamba J.-F. Voyage dans la Russie meridionale... Т. I. Paris, 1826.
95. Henderson E. Biblical Researches and Travels in Russia... London, 1826.
96. Гендерсон Э. Библейские разыскания и странствия по России... / Пер. с англ. В. Л. Вихнович, А. А. Алексеев. СПб., 2006.
97. Henderson Th.S. Memoir of the Rev. E. Henderson, D. D., Ph. D. Including his labours in Denmark, Iceland, Russia, etc., etc. London, 1859.
98. Баталден С. Мусульманский и еврейский вопросы в России эпохи Александра I глазами шотландского библеиста и путешественника // ВИ. 2004. № 5.
99. Храпунов Н.И. Рец. на кн.: Гендерсон Э. Библейские разыскания и странствия по России... / Пер. с англ. В. Л. Вихнович, А. А. Алексеев. СПб., 2006 // Ab Imperio. 2010. № 1.
100. Lyall R. The Character of the Russians, and a Detailed History of Moscow. London, 1823.
101. Lyall R. An Account of the Organization, Administration, and Present State of the Military Colonies in Russia. London, 1824.
102. Lyall R. Travels in Russia, the Krimea, the Caucasus, and Georgia. Vol. I. London, 1825.
103. Деремедведь Е.Н. Крым глазами английского путешественника Р. Лайелла // Культура народов Причерноморья. Симферополь, 2002. № 43.
104. Полиевктов М.А. Европейские путешественники по Кавказу. 1800–1830. Тбилиси, 1946.
105. Громенко С.В. До біографії польського мандрівника Карла Качковського // Культура народов Причерноморья. Симферополь, 2010. № 177.
106. Kaczkowski K. Dziennik podrozy do Krymu, odbytey w roku 1825. Cz. 3. Warszawa, 1829.
107. The Annual Register, or a View of the History, Politics, and Literature of the Year 1831. London, 1832.

108. Jones G. M. Travels in Norway, Sweden, Finland, Russia, and Turkey... Vol. II. London, 1827.
109. Newnham W. H. Memoir of Mr. James Webster // Webster J. Travels through the Crimea, Turkey, and Egypt; performed during the years 1825–1828... Vol. 1. London, 1830.
110. The Monthly Review. 1830. Vol. XIV (From May to August inclusive).
111. Gorton J. A General Biographic Dictionary. A New Edition. Volume IV. London, 1851.
112. Формозов А.А. К летописи археологических исследований в Северном Причерноморье в первой половине XIX в. // СА. 1975. № 1.
113. Kırımlı H. Crimean Tatars, Nogays, and Scottish Missionaries. The story of Katti Geray and other baptized descendants of the Crimean khans // Cahiers du Monde russe. 2004. Vol. 45/1-2 (janvier-juin).
114. Ящуржинский X. Разведки о древнем скифском укреплении Неаполисе // ИТУАК. 1889. Вып. 7.
115. Вторая конференция археологов СССР в Херсонесе 10–13 сентября 1927 года по случаю столетия херсонесских раскопок (1827–1927). Севастополь, 1927.
116. Сементовский Н. Путешественник (Южный берег Крыма). СПб., 1847.
117. Кеппен П. Крымский сборник. О древностях Южного берега Крыма и гор таврических. СПб., 1837.
118. Бларамберг И.П. О положении трех Тавро-Скифских крепостей... / Пер. с франц. А. Л. Бертье-Делагард // ИТУАК. 1889. № 7.
119. Dod R.P. The Peerage, Baronetage and Knightage, of Great Britain and Ireland for 1864. London, 1864.
120. Весёлая Г. Записки английского офицера // Александр Дж. Россия глазами иностранца / Пер. с англ. А. Базилевич. М., 2008.
121. Храпунов Н.И. Другая николаевская Россия, или полемика травелогов. Рец. на кн.: Александр Дж. Россия глазами иностранца / Пер. с англ. А. Базилевич. М., 2008 // Ab Imperio. 2011. № 2.
122. Голофаст Л.А. Градостроительный облик Херсона в XIII веке // МАИЭТ. 2009. Вып. XV.
123. Шаманаев А.В. Образ Херсона (Корсуни) как русской религиозной святыни в XVIII–XIX вв. // Символ в религии и философии. Севастополь, 2005.
124. Kozelsky M. Christianizing Crimea: shaping sacred space in the Russian Empire and beyond. DeKalb, 2010.

Храпунов Н. И.

**Херсонес в описаниях европейских путешественников
конца XVIII – начала XIX в.**

Резюме

В статье говорится о том, какими увидели развалины древнего Херсонеса путешественники-европейцы, оказавшиеся в Крыму в конце XVIII – начале XIX в. Описания городища оставили Ш. де Бар (1784 г.), Ж. Ромм (1786 г.), Ф. де Миранда (1787 г.), П. ван Вунсел (1787 г.), П.-С. Паллас (1793–1801 гг.), Э.-Д. Кларк (1800 г.), Ж. Рёйи (1803 г.),

Г. де Кагельно (1803–1812 гг.), Ж.-Ф. Гамба (1817–1824 гг.), Э. Хендерсон (1821 г.), Р. Лайалл (1822 г.), Дж.-М. Джоунз (1823 г.), К.-М. Качковский (1825 г.), Дж. Уэбстер (1827 г.) и Дж.-Э. Александер (1829 г.). По словам путешественников, строительство Севастополя имело катастрофические последствия для Херсонеса. Они призывали начать исследовательские раскопки древнего города и пытались связать данные письменных источников (прежде всего, античной географии Страбона и средневековых известий о крещении князя Владимира) с археологическими памятниками городища. Иностранцы описали городские укрепления, портовые сооружения, церкви, склепы и некоторые несохранившиеся до наших дней памятники Херсонеса. Археологические древности становились неотъемлемой частью образа Крыма в глазах читающей публики, который стал восприниматься как «заповедник классической античности», а Херсонес – как античный памятник.

Храпунов М. І.

Херсонес в описах європейських мандрівників кінця XVIII – початку XIX ст.

Резюме

В статті йдеться про те, якими побачили руїни стародавнього Херсонеса мандрівники-європейці, що опинилися в Криму наприкінці XVIII – на початку XIX ст. Описи городища залишили Ш. де Бар (1784 р.), Ж. Ромм (1786 р.), Ф. де Міранда (1787 р.), П. ван Вунсел (1787 г.), П.-С. Паллас (1793–1801 рр.), Е.-Д. Кларк (1800 р.), Ж. Рьойі (1803 р.), Г. де Кагельно (1803–1812 рр.), Ж.-Ф. Гамба (1817–1824 рр.), Е. Хендерсон (1821 р.), Р. Лайалл (1822 р.), Дж.-М. Джоунз (1823 р.), К.-М. Качковський (1825 р.), Дж. Уэбстер (1827 р.) і Дж.-Е. Александер (1829 р.). За словами мандрівників, будівництво Севастополя мало катастрофічні наслідки для Херсонеса. Вони закликали розпочати дослідницькі розкопки стародавнього міста і спробували зв'язати дані письмових джерел (насамперед, античної географії Страбона і середньовічних звісток про хрещення князя Володимира) з археологічними пам'ятками городища. Іноземці описали міські укріплення, портові споруди, церкви, склепи і деякі пам'ятки Херсонеса, що не збереглися дотепер. Археологічні старожитності ставали невід'ємною частиною образу Криму в очах читаючої публіки, який почав сприйматися як «заповідник класичної античності», а Херсонес – як антична пам'ятка.

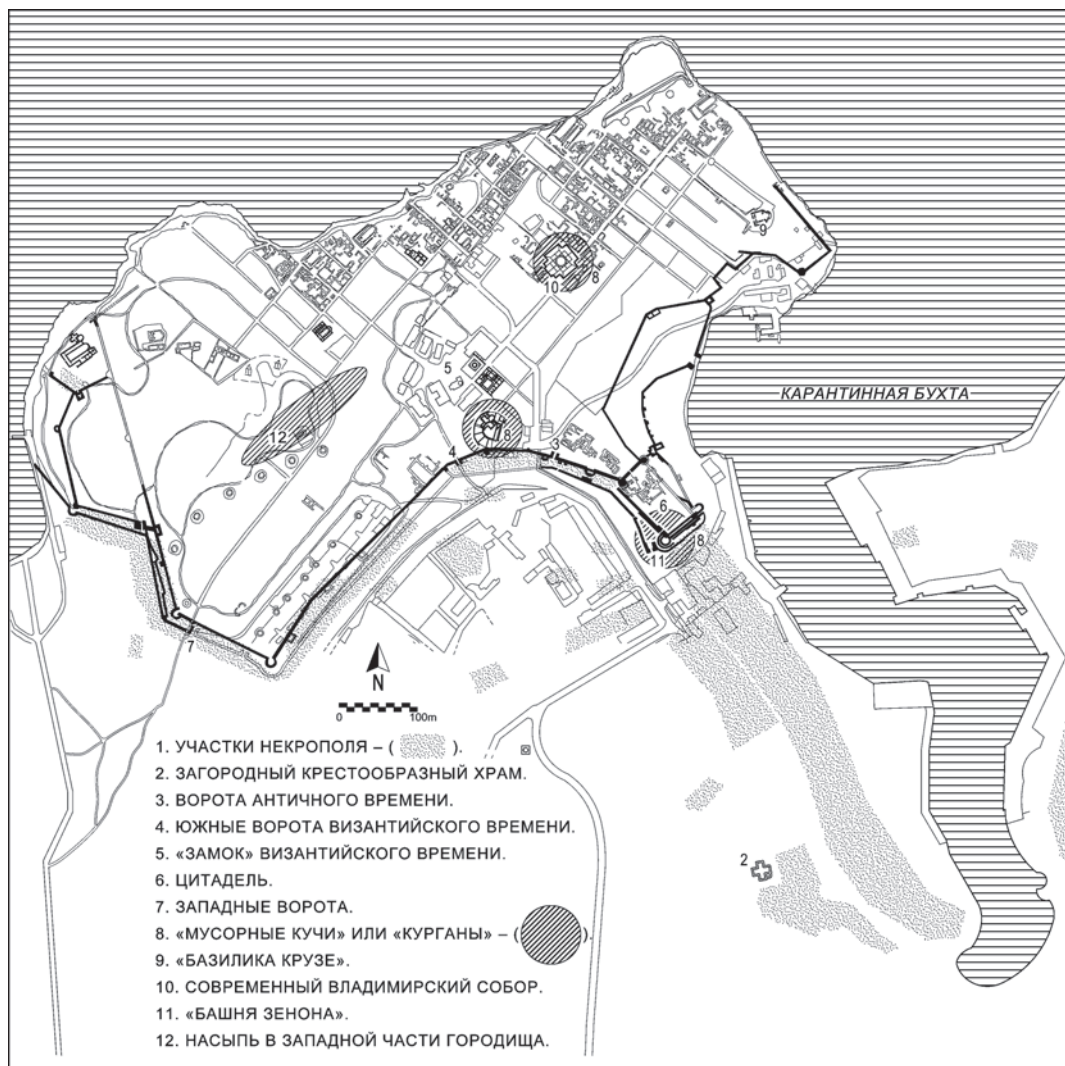
Khrapunov N. I.

Chersonesos as Described by European Travellers in the Late Eighteenth and Early Nineteenth Century

Summary

The paper discusses the image of ancient Chersonesos in Taurica and its ruins according to European travellers who came to the Crimea in the late eighteenth and early nineteenth century. There are descriptions of the site by Charles de Baert (1784), Gilbert Romme (1786), Francisco de Miranda (1787), Pieter van Woensel (1787), Peter Simon Pallas (1793–1801), Edward Daniel Clarke (1800), Jean Reuilly (1803), Gabriel de Castelneau (1803–1812), Jacques Francois Gamba (1817–1824),

Ebenezer Henderson (1821), Robert Lyall (1822), George Matthew Jones (1823), Karol Maciej Kaczkowski (1825), James Webster (1827) and James Edward Alexander (1829). According to the travellers, the building of Sevastopol was a catastrophe for Chersonesos. They called for starting of scholarly excavation of the ancient city and tried to relate written sources accounts (first of all, from ancient geography according to Strabo and mediaeval chronicles about the baptism of Russian prince Vladimir) to archaeological monuments of the site. The foreigners described ancient city fortifications, port facilities, churches, burial vaults and some monuments that do not exist now. Archaeological antiquities became inalienable part of the image of the Crimea in the readers' eyes, so the peninsula became a "preserve of classical antiquity," and Chersonesos was considered a Greco-Roman site.

Рис. 1. Херсонесское городище с указанием упомянутых в статье памятников (рисунок М. Е. Левады).

Рис. 2. «Развалины второго Херсонеса и карантин» (гравюра де Палдо, иллюстрирующая записки Сумарокова; фрагмент). Из коллекции Центрального музея Тавриды (г. Симферополь).

Рис. 3. «Херсонес» (литография К. Боссоли). Из коллекции Центрального музея Тавриды (г. Симферополь).

Рис. 4. «Археология». Древности на берегах Черного моря (гравюра из книги Дж.-Э. Александера).